

ГЕРМЕТИКОН

ВАДИМ ПАНОВ

САДЫ ПЯТИ СТРЕМЛЕНИЙ

Вадим Юрьевич Панов
Сады пяти стремлений
Серия «Герметикон», книга 10

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69565477

В. Ю. Панов. Сады пяти стремлений: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-187079-9

Аннотация

Во время перехода через Пустоту, всё пошло не по плану: планета, на которую шёл «Пытливый амуш», исчезла, а цеппель оказался в идеальном шторме. Пустота ударила и по кораблю, и по команде, а когда путешественники очнулись, то нашли себя на неизвестной планете. Но на корабле себя нашли не все... И пока «Пытливый амуш» рыскал над океаном в поисках континента, Помпилио, Бабарский и алхимик Мерса оказались в роскошных Садах Траймонго, за обладание которыми вот-вот разразится большая война. И это не единственная грозящая им неприятность...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	74
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Вадим Панов

Сады пяти стремлений

© Панов Ю. В., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

Пролог

*в котором происходит страшное и не до конца понятное
противоборство с неведомым*

Некоторые астрологи ¹ предполагают, что во время движения через Пустоту цеппели теряют привычную физическую плотность, сохраняя лишь видимую форму. При этом для находящихся внутри людей всё остаётся по-прежнему: их ощущение себя и окружающего неизменны, но если рядом с совершающим прыжок цеппелем поставить наблюдателя, он с удивлением отметит, что видит перед собой не крепкий корабль: гондолу, «сигару» с жёстким корпусом, гигантские рули, мотогондолы... – но бесплотный призрак, возможный только в колоссальном и абсолютно неизведанном пространстве Пустоты. Разумеется, предположение о том, что цеппели теряют привычные свойства, является умозрительным заключением, основанным на теоретическом допущении, что скорость, с которой цеппели пронзают Пустоту, не позволила бы им сохранять привычную физическую плотность. Однако оппоненты напоминают, что астринги не разгоняют корабли до невероятных скоростей, а создают прокол реальности, тоннель между двумя точками пространства, лежащими

¹ Значение этого и других принятых в Герметиконе терминов см. в Словаре.

в бесконечной дали друг от друга. То есть цеппели преодолевают значительно меньшее расстояние, чем то, что лежит между планетами.

Поскольку обе теории строились исключительно на предположениях – современная астрология не обладает надёжным аппаратом для полноценного изучения идущих в Пустоте процессов, – подтвердить правоту какой-либо из сторон в настоящее время не представлялось возможным, однако вид пришедшего на Траймонго корабля мог обрадовать сторонников «призрачной» версии, поскольку выглядел цеппель абсолютно бесплотным и в какие-то мгновения становился абсолютно прозрачным – и случись поблизости наблюдатели, они смогли бы с лёгкостью посмотреть сквозь него.

При этом следует уточнить, что процесс выхода корабля из «окна», как и само «окно», сильно отличались от обыкновенных.

Разрыв пространства, открывающий вид на бурлящую серым Пустоту, как правило, не длится более минуты. Чаще – значительно меньше, только то время, которое требуется цеппелю, чтобы оказаться над поверхностью планеты. А ещё «окно» всегда появляется вдруг – лишь очень опытный астролог способен распознать колебание пространства, предшествующее открытию перехода, но и тут ему должно повезти, поскольку длится то колебание считанные секунды. А ещё – «окно» всегда имеет форму правильного круга, по контуру которого пробегают мощнейшие разряды, и сразу «отдаёт»

пришедший цеппель.

Однако в этот раз всё было иначе.

В этот раз безоблачное, нежно-лазоревоe небо вдруг затрепетало, словно под прикосновениями рук невидимого массажиста, затем несколько минут тужилось красно-жёлто-оранжевыми зарницами, после чего лопнуло перезрелым персиком, и длинная, на девятьсот лиг, полоса прочертила его наискось. Полоса, из которой в реальность поползли клубы серого. Настолько большие и густые клубы, что в них поначалу совершенно потерялся двухсотметровый цеппель. Потерялся, несмотря на то что серое не расползлось по планете, а бурлило вокруг полосы, потерялся, потому что не вышел, как положено, из «окна», а медленно, с усилием вырывался из Пустоты, дёрганно двигаясь вдоль разорвавшей небо черты. В некоторые мгновения казалось, что кораблю удалось совладать с тем, что удерживало его в Пустоте – тогда цеппель появлялся на Траймонго целиком, оставляя в сером лишь кончики рулей... но этого «лишь» хватало, чтобы Пустота затягивала его обратно, и тогда корабль становился едва заметен, высывая из серого только кончик носа; иногда он пытался вырваться, двигаясь боком; иногда становился почти вертикально, направляя нос к поверхности. Но самое страшное заключалось в том, что борьбу с Пустотой цеппель вёл в полнейшей тишине – двигатели не работали, люди не кричали, серое бурлило абсолютно беззвучно. Более того – разорвавшая небо черта пролегла над ровной гладью без-

мятежного, безбрежного океана, и потому свидетелей невероятного события не оказалось: никто не видел ни странного, совершенно невозможного «окна», ни отчаянного сражения за жизнь, ни даже зарниц. Но если бы – если бы! – свидетель нашёлся, то он наверняка заметил бы, что серые клубы Пустоты не обволакивают гигантскую «сигару» цеппеля, а проходят сквозь неё, что стало бы косвенным подтверждением «призрачной» теории: корабль не вышел из Пустоты, но оказался на планете и при том был явно бесплотен. Вторым доказательством теории наверняка стали бы совершаемые цеппелем рывки и манёвры: его бросало вдоль черты с невероятной скоростью, а остановки и развороты оказывались настолько резкими, что корабль должен был разрушиться после первой из них, но он продолжал метаться.

Потому что явившийся на Траймонго цеппель был призраком.

Могло показаться, что корабль навсегда стал частью Пустоты и теперь она играет с ним, как дети играют с йо-йо, – то позволяя почувствовать реальность планеты, то возвращая туда, где ему суждено провести остаток вечности. А цеппель этого не понимал. Или не смирился. Цеппель разгонялся, останавливался, разворачивался, взлетал по черте вверх, менял направление и стремительно нёсся к поверхности моря, крутился на месте, пару раз перевернувшись вокруг оси, готов был наизнанку вывернуться ради свободы и, наконец, обрёл её: ускорившись в очередной раз, цеппель всё-таки ис-

хитрился на мгновение оторваться от бурлящего серого, и этого хватило – потеряв связь с Пустотой, корабль вернул себе физические свойства и, не будь он легче воздуха, – обязательно разбился об воду, ибо чудовищная скорость вела его к поверхности океана. Но гигантская машина была легче воздуха и растеряла импульс так же быстро, как приобрела, но при остановке закрипела и заскрежетала всеми своими узлами и соединениями, и этот страшный, душераздирающий скрип стал первым звуком, который прозвучал с момента явления цеппеля на Траймонго. Что же касается черты, то она, словно испугавшись чего-то, исчезла с неба навсегда. В одно мгновение. Как будто стёртая ластиком Создателя. Черта исчезла, прихватив с собой бурлящие серые клубы, а корабль перестал скрипеть и умолк, со спокойным достоинством переживая с таким трудом одержанную победу. Покачивался в небе, примерно в сотне метрах над поверхностью океана, и молчал. Порты задраены, огромные пропеллеры маршевых двигателей неподвижны, как и гигантские рули.

Корабль покачивался во вновь воцарившейся тишине.

А затем развернулся по ветру и стал медленно дрейфовать к юго-востоку. Уверенно и не теряя высоты.

И если бы сейчас рядом с ним проплывало какое-нибудь судно, его пассажиры смогли бы без труда прочесть название: «Пытливый амуш». Порт приписки – Маркополис, Линга.

Глава 1

в которой Помпилио, Мерса и Бабарский находят общий язык с обитателями Траймонго, Дорофеев планирует дальнейшие шаги, а Феодора и прочие сенаторы понимают, что войны не избежать

Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур вынырнул на поверхность, фыркнул, глубоко вздохнул, с наслаждением набрав в широкую грудь свежий морской воздух, вытер лицо ладонью, огляделся и мощными гребками поплыл к покачивающемуся на воде судну – небольшой и сильно потрёпанной рыболовецкой шхуне с синим корпусом и белой надстройкой. Судя по отсутствию парусов – работающей на двигателе, а судя по вони нефы – на двигателе внутреннего сгорания. Метрах в десяти от борта Помпилио сменил стиль плавания, перейдя на менее шумный – людей на палубе не наблюдалось, однако дер Даген Тур решил предпринять дополнительные меры предосторожности и не привлекать к себе внимание, прежде чем сам того не захочет. Как подняться на борт, Помпилио понял, едва увидев судно: одна из шлюпок была спущена на воду, а рядом с ней свисал верёвочный трап – ничего лучше и придумать нельзя. Ухватившись за трап, дер Даген Тур хотел было сразу подняться, но задержался на несколько мгновений, внимательно прислуши-

ваясь к доносящимся голосам: на палубе шёл напряжённый разговор, но, к счастью, члены команды вели его на носу – а трап был сброшен примерно посреди шхуны, да к тому же у противоположного борта. Говорили рыбаки громко, горячо, иногда использовали незнакомые Помпилио ругательства, при этом говорили на не очень правильном, слегка исковерканном универсале, но, поскольку отличия в произношении встречались часто и разговорный язык мог сильно отличаться даже в пределах одной планеты, понять, где он оказался, дер Даген Тур пока не смог. Убедившись, что рыбаки увлечены разговором, Помпилио поднялся на палубу, снял мягкие ботинки и цепарские штаны карго – они изрядно намокли и сковывали движения, подумав, стянул сорочку – по той же причине, – расправил одежду, чтобы она скорее высохла на жарком солнце, небыстрым, уверенным шагом обогнул рубку и остановился, молча разглядывая открывшуюся картину.

Впрочем, разглядывал без удивления, поскольку, прислушиваясь к голосам, детально представил, что увидит на палубе. Точнее, кого увидит. И не ошибся.

Основные события развернулись на баке², где собрались все находящиеся на борту люди: пятеро рыбаков, составляющих команду шхуны, и два недавно извлечённых из воды офицера «Пытливый амуша»: слева, прислонившись спиной к фальшборту, сидел алхимик Мерса, привычно выглядя-

² Передняя часть палубы от носа до носовой надстройки.

щий растерянным и пытающийся протереть чудом спасшиеся очки мокрым носовым платком; а рядом стоял низенький суперкарго ИХ Бабарский, который ничего не понимал, однако привычно выглядел так, будто всё понимает, но сознательно делает вид, что ничего не понимает. Офицеры были мокрыми как мыши, однако раздеться им пока не разрешили, и с одежды на палубу стекала вода. А ещё рыбаки пока не забрали сумку, с которой Бабарский не расставался даже на борту «Амуша» и которую ухитрился спасти, оказавшись в воде. Точнее, в тот момент, когда дер Даген Тур выглянул из-за рубки, один из рыбаков как раз протянул руку, указывая на сумку, и Бабарский поморщился.

«Я только что вынырнул, а Мерсу и Бабарского уже успели взять на борт. Как получилось, что они оказались в воде настолько раньше меня?»

Ответа на этот вопрос у Помпилио не было, и он разумно решил отложить его поиск на потом. А пока свистнул, привлекая к себе внимание, а когда все обернулись, властным тоном поинтересовался:

– В воде остался кто-нибудь ещё?

Он знал, что растерявшиеся аборигены не сразу поймут, о чём их спрашивают, и после короткой паузы – достаточной для того, чтобы рыбаки полностью на нём сконцентрировались, указал на море:

– Другие люди в воде есть?

Помолчал и поднял брови, показывая, что удивлён отсут-

ствием быстрого и точного ответа.

Появление Помпилио произвело впечатление, но, разумеется, разное. Хитроумный Бабарский радостно заулыбался и сделал маленький шаг назад, не позволяя рыбаку дотянуться до сумки. И слегка пнул Мерсу, поскольку тот, услышав знакомый голос, тут же вернул мокрые очки на нос и собрался что-то сказать, однако говорить сейчас ему не следовало. Говорить сейчас должен был только дер Даген Тур.

Рыбаки же растерялись и, что естественно, насторожились, внимательно разглядывая нового пришельца, не выказывающего, в отличие от предыдущих, ни растерянности, ни смущения. Пришельца хоть и не очень высокого, но плотного и мощного: мускулатура дер Даген Тура не была отточенно-рельефной, как у профессионального атлета, однако сложение не оставляло сомнений в том, что Помпилио – опытный боец, находящийся в превосходной физической форме. Все эти обстоятельства заставляли рыбаков осторожничать, но до определённого предела. Предел был достигнут в тот момент, когда они поняли, что новый гость оказался на борту в одиночестве и из-за его спины другие подготовленные бойцы не появятся. Неизвестный хоть и мощен, но один, а их – пятеро. Пусть невысоких, зато жилистых, быстрых и привычных к кабацким дракам.

– В воде есть другие люди? – в третий раз спросил Помпилио, позволив аборигенам себя изучить.

– Мёртвые, – хрипло ответил капитан. – Трое.

– Нужно их вытащить.

– Зачем? – Вопрос прозвучал с искренним удивлением.

– Так положено, – твёрдо ответил дер Даген Тур, глядя капитану в глаза.

– Рыбы съедят.

– Рыбы будут есть тебя и твоих сородичей. А мои люди достойны уважения, тем более – после смерти. Нужно их вытащить и предать воде так, как того требует мой обычай.

– Их всё равно съедят рыбы.

– Мы сделаем так, как требует мой обычай.

– Это как?

– Завернём их в саваны и прочтём молитву.

Рыбаки негромко заворчали, комментируя слова и манеру поведения дер Даген Тура, что заставило капитана повысить голос:

– Почему ты приказываешь?

Помпилио выдержал продуманную паузу, добившись того, что все пятеро аборигенов обратились в слух, и ответил:

– Пока я прошу.

И вновь замолчал, давая рыбакам возможность разрешить ситуацию мирно и к обоюдному удовольствию.

– То есть ты хочешь, чтобы мы достали из воды твоих друзей, завернули их в ткань и снова бросили в воду?

Поскольку тон капитана ясно указывал на то, что ничего из перечисленного он делать не собирается, Помпилио ответил коротко и властно:

– Приступайте.

Но вновь не был услышан:

– Что будет дальше? – вкрадчиво осведомился капитан.

А его подчинённые заулыбались. Но не радостно, как Мерса и Бабарский, а злорадно. Аборигены решили атаковать, Помпилио это понял, но ответил на вопрос. Не из вежливости, конечно, а чтобы потом не тратить время на инструктаж.

– Дальше будет так: мы похороним моих людей, снимем сети и пойдём... как называется порт, из которого ты вышел?

– Вонючий рынок.

– Полагаю, название соответствует, – усмехнулся дер Даген Тур. – Сколько до него идти?

– Четыре часа.

– Далековато, но что делать... – Помпилио едва заметно пожал плечами и закончил: – Мы вытащим сети и пойдём в Вонючий рынок. Там навсегда расстанемся.

– Мы должны закончить лов. Это наша жизнь.

– Понятно. – Помпилио перевёл взгляд на Бабарского. – У тебя есть чем им заплатить?

– Конечно, мессер.

– Покажи.

Бабарский потянулся за сумкой, но тот рыбак, который уже проявлял интерес к имуществу низенького суперкарго, сделал шаг и не позволил Бабарскому откинуть клапан.

– Это – наше.

– Сумка была при мне, когда вы достали меня из воды, – скромно заметил ИХ.

– Не имеет значения.

– Имеет. – Появление Помпилио вернуло Бабарскому уверенность, и он с удовольствием довёл до сведения аборигенов нехитрые правила перехода собственности из рук в руки. Те правила, которые действовали в цивилизованных мирах: – Если бы сумка плавала отдельно от меня, ты мог бы предъявить на неё права, заявив, к примеру, что не веришь в то, что я её хозяин. Но сумка находилась при мне, на плече...

– Это неважно, – качнул головой капитан. – Всё, что мы вытаскиваем из воды, принадлежит нам.

Таким образом он официально заявил найдёнышам, что они признаны проигравшей стороной и не имеют права голоса.

– И мы тебе принадлежим? – с обманчивой кротостью осведомился Помпилио.

– Вы – люди, а все люди свободны.

– Раз мы свободные люди, то имеем право на собственность. Мой человек заберёт свою собственность и щедро заплатит тебе за то, чтобы ты доставил нас в порт немедленно. Поймаешь свою рыбу завтра.

– Я заберу сумку, а вам троим придётся отработать дорогу. Или прыгайте и плывите сами. – Капитан рассмеялся и махнул рукой на северо-восток. – Вам примерно туда.

Пятеро против троих, двое из которых явно не в состоя-

нии постоять за себя – это не заявка на победу, а её гарантия. Так решил капитан шхуны, а команда его поддержала. Аборигены заулыбались, предвкушая, что сделают с пришельцами, особенно с самым наглым из них, однако на свою беду не учли – и не могли учесть, ибо не знали, что дер Даген Тур не просто выглядит мощным бойцом – он и был единственным на борту шхуны воином, готовым сражаться как с оружием, так и голыми руками. И этот факт привёл к совершению аборигенами целого ряда занимательных открытий. Например, тот рыбак, который предъявил права на сумку ИХ, на собственной шкуре почувствовал, какие ощущения испытывает человек, которого резко хватают за шкирку и пояс и выкидывают за борт. Но ему повезло не испытать, что происходит, когда человека перед выкидыванием за борт ещё и бьют. Потому что остальным досталось.

Помпилио атаковал до того, как капитан закончил выступление, поскольку не собирался давать противникам возможности согласовать нападение. Слова «Вам примерно туда...» ещё висели в воздухе, а дер Даген Тур уже «съел» расстояние, отделявшее его от обидчика ИХ, и мощным броском отправил рыбака в воду. Мгновенно развернулся, встречая следующего противника, увидел в его правой руке нож, перехватил, но бить не стал – резко рванул за руку и, используя накопленную аборигеном энергию, отправил вслед за приятелем. Двое оставшихся членов команды попытались напасть на Помпилио скоординированно, но желаемого

результата не добились, хотя действовали правильно: один изображал атаку, оттягивая на себя внимание дер Даген Тура, другой заходил слева, стараясь улучшить момент для смертоносного выпада, но никто из них даже не предполагал насколько быстрым может быть Помпилио. А он, несмотря на плотное сложение, был очень быстр и титул бамбадао – высший в Высоком искусстве достижения цели – заработал честным потом и честной кровью. И равных ему на шхуне не оказалось и не могло оказаться, ведь все те столетия, которые рыбаки и их предки ходили в море, Помпилио и его предки оттачивали умение сражаться. Поэтому разгадать нехитрый замысел кабацких драчунов для дер Даген Тура не составило никакого труда. И ответил он им тем же: сделал резкое обманное движение на заходящего слева, заставив его отступить – больше от неожиданности, тут же атаковал второго, дотянувшись до его челюсти прямым левым. Схватил противника за грудки, не позволив упасть на палубу, развернулся в сторону левого и толкнул на него пребывающего в нокдауне приятеля. Левый второй раз подряд опешил, чем дер Даген Тур второй раз воспользовался, вытолкнув обоих рыбаков за борт. С начала сражения прошло меньше минуты, а четверо из пяти членов команды переместились в воду.

Офицерам с «Пытливового амуша» не требовалось объяснять замысел дер Даген Тура – они хорошо его знали, прекрасно представляли, чем закончится выходка аборигенов, и принялись действовать сразу, как только внимание рыбаков

переключилось на Помпилио. Бабарский бросился к левому борту, около которого давно, едва его втащили на палубу шхуны, заметил багор – ИХ отличался внимательностью, а через несколько секунд к нему присоединился вооружённый гарпуном алхимик. Встал рядом с суперкарго, посмотрел на ближайшего из барахтающихся в воде рыбаков, выразительным взглядом давая понять, что попытка взобраться на борт не приведёт ни к чему хорошему, и равнодушно спросил:

– Мы их топим или учим?

– Олли, рад, что вернулся, – рассмеялся в ответ ИХ.

– То есть топим?

– Не знаю. Пока просто кушаем.

– Хорошо. – Мерса удобнее перехватил гарпун и спросил: – Потом расскажешь, что происходит и как мы здесь оказались?

– Обязательно.

– Я не умею плавать! – крикнул один из рыбаков.

И получил хладнокровный ответ:

– Держись за приятеля.

Церемониться с любителями чужой собственности никто не собирался.

Что же касается Помпилио, то он почесал грудь, повернулся к капитану и вопросительно поднял брови.

– Ты не знаешь куда плыть, – пробормотал тот, стараясь не встречаться взглядом с серо-стальными глазами плечистого,

абсолютно лысого мужчины. И вдруг подумал, что властный тон, властный взгляд и властное выражение лица обусловлены не только силой воина, но тем, что он привык приказывать. Возможно – с детства.

Неуверенный голос выдавал охвативший капитана страх, однако слова он произнёс неправильные, поэтому дер Даген Тур ответил не сразу. Сначала осмотрел два доставшихся ему ножа, один сразу выбросил за борт, второй оставил, хоть и кисло поморщился, после чего, продолжая разглядывать клинок, медленно сказал:

– Говори мне «вы».

Несколько мгновений капитан обдумывал услышанное, после чего поправился:

– Вы не знаете куда плыть.

– Это легко исправить, – ответил Помпилио, всё ещё изучая нож. – Мои люди не позволят твоим подняться на борт до тех пор, пока я не разрешу. Плыть твоим приятелям некуда, они останутся рядом и услышат вопли – ты заорёшь, когда я начну тебя свежевать. И следующий, кто вылезет из воды, сначала отмоет палубу от твоей крови, а затем с удовольствием укажет правильный курс на ваш Вонючий рынок. А я ему ещё и заплачу.

– Вы сможете меня свежевать? Живым?

– Это не доставит мне удовольствия, но я обязан заботиться о своих людях.

Тон, поза, негромкий, но твёрдый, очень уверенный го-

лос, нож в руке, а главное – та лёгкость, с которой Помпилио выкинул за борт четверых рыбаков, знающих толк в кабацких разборках, помогли капитану принять правильное, а главное – единственно верное в его положении решение.

– Я понимаю...

– Надеюсь.

– Я понимаю и прошу меня простить... я... я допустил ошибку. Я не должен был трогать... вас.

– Называй меня мессер.

– Да, мессер.

Помпилио кивнул, показав, что одобряет проявленные послушание и готовность играть по правилам, после чего осведомился:

– Ты знаешь, что такое золото?

Имя капитана его не интересовало.

– Конечно... мессер.

– Бабарский.

Суперкарго давно понял, что придётся платить, но в силу всем известной расчётливости извлёк из сумки не полновесный герметиконский цехин, а каатианскую крону, в которой золота было вполовину меньше. Но по тому, как вспыхнули глаза капитана, пришельцы поняли, что даже такой монеты хватило с избытком. ИХ в очередной раз не ошибся.

– Вынимай сети и бери курс на Вонючий рынок, – распорядился Помпилио. – Но сначала мы должны похоронить наших мёртвых. Нужны три куска ткани и грузы.

Капитан машинально бросил взгляд на плавающие невдалеке тела и, не удержавшись, спросил:

– Зачем тратить время?

– Я считаю, что так нужно сделать, – веско ответил дер Даген Тур. Настолько веско, чтобы абориген понял, что он опечален смертью своих и потому крайне раздражён вопросом. Абориген намёк уловил и прикусил язык. – А ещё скажи, как называется этот мир?

– Мир? – растерялся капитан.

– Всё вот это, – уточнил Помпилио, небрежно обведя океан рукой.

– Траймонго, мессер, – опомнился капитан. – Наша планета называется Траймонго.

Ответил, помолчал, обдумывая собственные слова, а затем очень осторожно спросил:

– Вы разве не знали?

* * *

«Бабарский сдержал слово и подробно рассказал всё, что помнил о том, как мы оказались на Траймонго. Только вот ничего он толком не помнил, чтоб меня в алкагест окунуло, и его рассказ оставил больше вопросов, чем дал ответов. Бабарский, как и я, помнил, что мы собирались прыгать на Пелеранию – чтобы уйти из Трио Неизвестности единственным известным нам путём. А затем случилось нечто

абсолютно невозможное... Об этом я знаю со слов мессера, который велел пока не слишком об этом распространяться, поэтому, Энди, только для тебя: мессер сказал, что едва Галилей зацепился за Пелеранию швартовочным «хвостиком», как планета исчезла и в её звёздной системе возник необъяснимый хаос. Прыжок не состоялся, однако нас всё равно втащило в Пустоту. Причём мессер, который находился в астринге, твёрдо уверен – а раз мессер уверен, значит, так оно и есть, – что Галилей не успел запустить второй контур и открыть переход. Но и Трио Неизвестности мы покинули. Полагаю, к счастью, поскольку ещё одного сражения «Пытливый амуи» бы не пережил. Мы оказались в Пустоте, однако не в обычном переходе между мирами. А если и в обычном, то в нём всё сразу пошло не по плану, потому что единственная планета, находящаяся в зоне прыжка, куда-то подевалась, цеппель трясло так, словно мы не скользили в пространстве, а мчались по бульжистой мостовой, а цепари начали терять сознание. Ты, наверное, потерял – ведь тогда нами был ты, Энди, – Бабарский потерял точно, правда, рассказав об этом, ИХ тут же напомнил о своём слабом здоровье и высказал предположение, что именно поэтому не смог достойно продержаться весь переход. Мессер же сказал, что не готов обсуждать случившееся во время прыжка, но вряд ли он знает намного больше нашего. И вряд ли он знает, что произошло при выходе из Пустоты. Ты потом поделишься своими впечатлениями, но

я думаю, что они окажутся столь же сумбурными. Бабарский очнулся в воде. Не при ударе о поверхность, а под водой, на довольно большой глубине – не менее четырёх метров. Как он там оказался, ИХ не помнит. Я, как ты понимаешь, стал нами уже на ихуне, с гарпуном в руках и вообще не могу ничем поделиться. Бабарский сказал, что, когда он вынырнул, нас как раз втаскивали в лодку. Рыбаки требовали ответить, как мы оказались посреди океана, и в этом есть ещё одна странность: получается, они не видели нашего падения в воду? Но было ли падение? Как мы оказались в океане? На этой планете? Что вообще произошло, чтоб меня в алкагест окунуло? Как мы вышли из Пустоты? Где мы вышли из Пустоты, если очнулись под водой? Понятно только то, что ничего не понятно. Поэтому ответить рыбакам мы ничего не могли, только тарацились на них – так рассказал Бабарский. Рыбаки, кажется, захотели нас немножечко ограбить, но появился мессер и всё уладил. Теперь у нас есть ихуна и возможность слегка перевести дух. Мы обменялись рассказами о том, что с нами произошло, и очень коротко поговорили о том, что нас действительно беспокоит: где «Пытливый амуи»? Что случилось с нашим цеппелем? Мы все надеемся, что он цел и находится на Траймонго. Мессер беспокоится о наших, но особенно – об адире Кире, а я – об Аурелии...»

Из дневника Оливера А. Мерсы *alh.d.*

«Мы беспокоимся об Аурелии. И о наших друзьях, оставшихся – я надеюсь, что оставшихся! – в добром здравии на «Пытливом амуше». И о самом цеппеле, который, я надеюсь, цел и невредим...»

Из дневника Андреаса О. Мерсы alh.d.

* * *

– В настоящий момент мы остались без третьего маршевого двигателя, а поскольку мы никуда не торопимся и вроде как не собираемся вести боевые действия, я распорядился остановить и второй двигатель, так что мы идём на первом и четвёртом, причём они работают на четверть мощности, что позволяет нам делать двадцать лиг в час, но, насколько я понял, больше нам и не надо. Что же касается сроков ремонта, то Форгосское зеркало подсказывает, что ближайший местный добрый дух с некоторым удивлением благословил нас после удачного перехода, и его поддержка поможет мне справиться со всеми неполадками в течение пяти-семи часов.

– Вернёшь двигатель в строй?

– С помощью святого Хеша, разумеется. Мне кажется, он сегодня добр.

Чира Бедокур, шифбетрибсмейстер «Пытливого амуша» отличался великанским ростом, колоссальной силой, поразительными способностями к технике, что делало его одним

из лучших старших механиков Астрологического флота и одновременно – не менее поразительным суеверием. Бедокур знал едва ли не всех богов и духов Герметикона, все приметы и тайные знаки, был обладателем колоссальной коллекции амулетов, оберегов, талисманов и прочих артефактов на все случаи жизни, важнейшие из которых носил на себе, остальные хранил в каюте и машинном отделении – Базза Дорофеев, командующий «Пытливым амушем» с того дня, как Помпилио стал владельцем цеппеля, даже не пытался «навести порядок» в машинном отделении, воспринимая обереги, талисманы, нарисованные на стенах символы и надписи, разумеется, магические и даже фигурки каких-то особенно полезных духов в качестве небольшого и необходимого зла. Переделать Бедокура не представлялось возможным да и смысла не имело: твёрдая вера в духов, приметы, ритуалы и прочее волшебство не мешало шифбетрибсмейстеру профессионально относиться к своим обязанностям, и если Чира сказал, что через пять-семь часов машинное отделение «Пытливой амуша» преодолит последствия нестандартного, мягко говоря, перехода, значит, так и будет.

– Хорошо, – протянул Дорофеев, мысленно повторяя перечисленные шифбетрибсмейстером поломки.

Потеря давления в резервном компрессоре – приемлемо; утечка гелия в шестом баллоне – приемлемо, тем более её отыскали и заделывают; повреждения обшивки – приемлемо; нарушение работы приводов рулей высоты – приемлемо;

мо... В целом, учитывая, через что пришлось пройти «Амушу» сначала в Трио Неизвестности, а затем в Пустоте, можно сказать, что цеппель избежал серьёзных повреждений.

– Семь часов?

– Да, капитан, не более, – подтвердил Бедокур.

– Ты так и не объяснил, что произошло с третьим двигателем.

– Дело в том, что я сам не очень хорошо это понимаю, капитан, – честно ответил шифбетрибсмейстер, поглаживая амулет «Глаз ястреба» с Уканги, дарующий своему обладателю острый взгляд и внимательность. Правда, и то и другое укангийцы рекомендовали применять во время охоты, но Чиру такие мелочи не смущали.

– Если ты не знаешь, что произошло, как ты собираешься это чинить? – осведомился Дорофеев.

– Уберу всё ненужное и заменю сломанное.

– Бедокур!

В далёком прошлом, перед тем как поступить на службу к дер Даген Туру, Базза Дорофеев считался восходящей звездой самого мощного пиратского флота Герметикона, поэтому, когда капитан «Пытливого амуша» повышал голос, даже чуть-чуть, как сейчас, нервничать начинали все, исключая, разумеется, Помпилио, но включая здорового Бедокура, который догадывался, что ни один амулет, ни вся коллекция не способны защитить его от разозлившегося Баззы. И услышав в голосе Дорофеева нотки, которые он не хотел слышать,

шифбетрибсмейстер деловым тоном доложил:

– Главный силовой кабель перестал быть проводником, капитан. И часть других соединений внутри двигателя. Как это произошло, я понятия не имею, знаю лишь, что до входа в Пустоту с ними всё было нормально, перетаскивали электричество, как послушные мулы. Кроме того, перед вашим вызовом мне доложили, что один из аккумуляторов превратился в слиток металла: внешне невредим, внутри всё расплавлено.

– Как такое возможно?

– Я слышал, что горный дух Панти с планеты...

– Бедокур!

– Семь часов, капитан, – поспешил закончить разговор шифбетрибсмейстер. – Пока идём двадцать лиг в час максимум.

– Принято. Конец связи.

Дорофеев отошёл от переговорной трубы, повернулся к поднявшейся на капитанский мостик Кире дер Даген Тур и вежливо склонил голову:

– Адира.

– Базза. – Молодая женщина вежливо кивнула в ответ и прошла к лобовому окну. – Вокруг по-прежнему океан?

– Увы, адира, мне очень жаль, но пейзаж не меняется.

Дорофеев очнулся первым. Возможно, потому что оказался самым крепким из всех членов экипажа «Пытливый амуша», возможно, потому что был ямаудой, а возможно – пото-

му что капитан не мог себе позволить надолго оставить пост. Очнувшись, Базза сначала убедился, что цеппель завершил прыжок и находится на пригодной для жизни планете, после чего сделал общее объявление об этом. К этому моменту цеппари начали приходить в себя, и на мостике появилась Кира – в поисках супруга. Узнав, что капитан Помпилио не видел, Кира сформировала команду, во главе которой обошла все помещения цеппеля. А вернувшись на мостик обнаружила, что пейзаж не изменился: под ними лежал бескрайний, абсолютно спокойный океан, на котором до сих пор не появилось ни одного вымпела. Ни на океане, ни в небе.

– Полагаете, планета необитаема?

– Или мы находимся вдали от торговых путей, – предположил Дорофеев.

– Или так, – не стала спорить Кира. – Что мы уже знаем?

– Расчёты показали, что сутки здесь делятся двадцать шесть стандартных часов...

Молодая женщина машинально бросила взгляд на часы с двумя циферблатами, один показывал действующее бортовое время, второй – актуальное планетарное. Пока её не было, Базза успел заменить второй механизм на двадцатичасовой и выставить на нём время. Тоже утро, как и на бортовом, разница всего лишь в час, значит, рассогласования цикла никто не заметит.

– Мы находимся в субтропическом поясе северного полушария. И, если вам интересно, адира, здесь осень.

– Прекрасный климат.

– Полностью с вами согласен. – Дорофеев выдержал паузу, после чего поднял брови, показывая, что хочет услышать отчёт о действиях команды.

– Я лично проверила все помещения. Никто... – Кира помолчала, судорожно передохнула, но продолжила доклад хоть и негромким, но достаточно уверенным голосом: – В ходе проверки помещений было обнаружено два находящихся без сознания цепаря. Вот их имена. – Рыжая протянула капитану лист. – Цепари переданы бортовому медику, их жизням ничего не угрожает. Таким образом, на борту нет...

Кира держалась очень твёрдо, однако закончить доклад не смогла. Отвернулась.

– Итак... – Дорофеев прочитал написанные на листе имена, сверился с предыдущим списком – не отозвавшихся во время переключки, откашлялся и произнёс: – В результате проведённой переключки, подтверждённой тщательным осмотром внутренних помещений, выяснилось, что на борту отсутствуют следующие члены команды. – Он раскрыл судовый журнал. – Машинное отделение: механик... – Далее последовало имя. – Машинное отделение: младший электрик. Палубная команда – три человека... Офицеры... – Довольно долгая пауза. – После выхода из Пустоты на борту «Пытливового амуша» не обнаружены: бортовой алхимик Мерса, суперкарго Бабарский и мессер Помпилио дер Даген Тур.

Закончив, Дорофеев несколько мгновений молча смотрел

на выписанные в столбик имена. То ли дожидаясь, когда высохнут чернила, то ли думая о том, что отсутствие тел оставляет надежду на благополучный исход. Да, они не знают, когда их товарищи покинули цеппель: на планете или в Пустоте. Да, оказаться посреди безбрежного океана – это почти тоже самое, что оказаться в Пустоте. Да, всё так, но, если они живы, у них есть шанс.

– Капитан, с вашего позволения, я собираюсь занять место моего супруга на время его отсутствия, – тихо сказала Кира.

– Разумеется, адира, – ответил Дорофеев. – Полагаю, вы обязаны это сделать.

– Спасибо, Базза. – Рыжая вновь перевела взгляд на океан. – Я знакома со структурой власти на «Амуше» и не собираюсь ничего менять.

И по положению – будучи владельцем цеппеля, и по происхождению – тут между ними пролегла пропасть, Помпилио стоял выше Дорофеева, но при этом он никогда не оспаривал решения капитана, во всяком случае, публично, подчёркнуто позиционируя себя скорее в качестве советника, но ни в коем случае не второго командующего. И всегда обращался к Баззе на «вы», единственному во всём Герметиконе человеку. Вся полнота власти на «Пытливом амуше» принадлежала капитану, и Кира дала понять, что её устраивает такое положение вещей.

– Благодарю вас, адира. – Базза вновь склонил голову. – Скажите, во время осмотра внутренних помещений вы захо-

дили в каюту астролога?

– Да, капитан. В настоящий момент Галилей находится под присмотром Аурелии.

– Всё ещё без сознания?

– Увы.

В обязанности бортового астролога входило изучение звёздного неба – если речь шла о новых планетах, не описанных в Астрологических атласах; прокладывание курса и выполнение переходов через Пустоту. Поэтому после слов Кирры, и она, и капитан одновременно подумали, что если «Пытливый амуш» оказался на неизвестной планете, вернуться в Герметикон без помощи Галилея Квадриги будет очень и очень непросто. Но был и ещё один момент, о котором не следовало забывать.

– Если я правильно понимаю, Галилею уже доводилось проходить через нечто подобное. – Кира напомнила об участии Квадриги в Тринадцатой Астрологической экспедиции, из участников которой выжил только он. – Сейчас Галилей ухитрился спасти не только себя, но нас и корабль.

– После того приключения Галилею понадобилась длительная помощь психиатра, – вздохнул Дорофеев.

– Будем надеяться, что ведьма вернёт его в строй быстрее врачей.

– Будем надеяться, адира.

– Вы сможете разобраться со звёздным небом без астролога?

– Только ночью, адира, когда станут видны звёзды. Я проведу наблюдения и постараюсь соотнести полученные результаты с Астрологическим атласом. Но на это потребуется время.

– Воспользуетесь астрингом?

– Сначала проведу визуальную разведку. Если сочту, что вижу знакомые созвездия – посмотрю через «дальний глаз», но до тех пор, пока будет оставаться надежда на то, что Галилей придёт в себя, я бы не хотел пользоваться астрингом. Я – ямауда, если в переходе возникнет Знак, я его не увижу.

Так Дорофеев намекнул, что при необходимости сможет заменить астролога во время прыжка.

– Я понимаю, капитан. – Кира выдержала короткую паузу. – Вы ведь первым пришли в себя?

– Так точно, адира.

– Скажите, когда вы очнулись, цеппель только выходил из Пустоты или уже находился на планете?

– Когда я очнулся, «Амуш» уже некоторое время дрейфовал по планете. Могу я узнать, чем вызван ваш вопрос?

– Я пытаюсь понять, где именно мой супруг покинул цеппель.

– Вы полагаете, это произошло при выходе из Пустоты?

– Это моя единственная надежда, капитан. – Рыжая попыталась улыбнуться. Именно попыталась. – У меня было ощущение, что во время перехода «Амуш» странным образом потерял...

– Твёрдость.

– Да, капитан. Если ощущения меня не обманывают, цепель вернулся к прежнему состоянию, выйдя из Пустоты. Не могло получиться так, что возвращение не было мгновенным и вследствие этого часть команды покинула борт?

– То есть во время шторма случилась некая аномалия, из-за которой мессер и остальные члены команды не... не остались в Пустоте, а в настоящее время пребывают на планете?

– Да, капитан.

– И они остались там, куда мы пришли, – прищурился Дорофеев.

– Таково моё предположение, – подтвердила Кира.

– Я разберусь с ветром, пойму, в какую сторону дрейфовал «Амуш» и лягу на обратный курс.

– Благодарю.

Дорофеев улыбнулся. Неожиданно спокойно, почти весело, и эта улыбка вызвала у рыжей удивление.

– Капитан? – Она подняла брови.

– Я подумал, что если планета обитаема, то, вернув мессера и Бабарского на борт, мы окажем аборигенам огромную услугу.

– А Мерсу? – поддержала шутку Кира. Искренне поддержала.

– Мерса будет скромно помогать мессеру и Бабарскому делать жизнь аборигенов невыносимой.

Центром политической жизни Траймонго являлся Дворец Пяти Стремлений, который большинство жителей планеты называло Сенатом, имея в виду весь комплекс сооружений на самом большом озере Траймонго – Круве. Озеро лежало в Стремлении Уло, в географическом центре Садов, а Сенат выстроили на острове: Большой Дом, облицованный белым мрамором, и пять отделанных голубым Флигелей, каждый из которых располагался напротив той протоки, через которую в озеро приплывали караваны сенаторов – пышные речные процессии, любоваться которыми сбегались толпы траймонгорцев. Сбегались, несмотря на то что сенаторы посещали Дворец не реже одного раза в четыре месяца, то есть их визиты были достаточно привычными. Однако процессии получались настолько красивыми, что вызывали интерес, несмотря на частое повторение.

С северо-запада приплывал Габрис Тичи, сенатор Харо, – на носу его яхты была установлена фигура застывшего в прыжке льва, а сама она, как и три катера сопровождения, была украшена многочисленными золотыми знамёнами Стремления Харо. Габрис любил развевающуюся ткань и обожал любоваться богато расшитыми штандартами, сидя на верхней палубе.

Так же с севера, но другой протокой приходил Наамар

Киза, сенатор Фага, и его караван всегда оказывался самым длинным – яхту сопровождало не менее десятка военных катеров разного размера, главным украшением которых являлись военные в красивых мундирах, вымуштрованные настолько, что иногда казались ненастоящими. А вот флаг над процессией был всего один – зелёный штандарт сенатора над яхтой.

С юга так же приплывали два сенатора. Радбуд Раде, возглавляющий Стремление Мэя, – его яхта и три катера сопровождения были белоснежными, как форма матросов и одежды свиты, а флаг – алым, как знаменитые маки, которые каждую весну покрывали Сады Мэя. Вторым был Идлен Капт, сенатор Стремления Суно. Его яхту так густо покрывала позолоченная резьба, что она казалась роскошной рамой для прекрасной картины.

И наконец, по самому Стремлению, с востока, под синими флагами приходила процессия Феодоры Коэ – сенатора Уло, в Садах которой и располагалось озеро Круве. Несмотря на это, «хозяйкой» встреч Феодора не являлась, а размещение Дворца Пяти Стремлений на своей территории считала большим неудобством, исторической платой за центральное расположение Стремления Уло на континенте.

Обыкновенно сенаторы прибывали во Дворец в течение дня, стараясь не войти в озеро одновременно с другими караванами – чтобы не делить приветствия зевак, однако на этот раз привычный ритуал был нарушен: лидеры Стремле-

ний явились утром, можно сказать – одновременно, и сразу же, не потратив, как это обычно бывало, день на отдых, приступили к делам, собравшись в главном зале Большого Дома ровно в полдень.

– Хотя я не понимаю причину такой спешки, – проворчал самый старый из сенаторов – Габрис Тичи, которому всегда выпадало председательствовать на встречах лидеров Траймонго. – Будем откровенны: за последние дни не произошло ничего, что потребовало бы внеочередного собрания.

– Согласен, – поддержал его Наамар. – И мне совершенно непонятен порыв уважаемых Мэя и Суно.

Закон гласил, что любые два сенатора могут запросить срочную встречу по любому поводу, и в том числе не объясняя причин, и своей фразой сенатор Фага показал, что чтит его букву. Но при этом он демонстративно назвал южан по их Стремлениям, не по именам, чем нарушил неписанный закон, позволяющий в узком кругу обращение без чинов.

«Северяне против южан. Ожидаемо...» – подумала Феодора и громко произнесла:

– Давайте выслушаем наших друзей. Не сомневаюсь, просьба собраться прозвучала не просто так.

– Скрывать не стану: мне приятно бывать в Уло и видеться с тобой, – улыбнулся Наамар, не позволив высказаться открывшему рот Радбуду. – Пусть даже по малозначительным поводам.

Фраза прозвучала на грани оскорбления, но именно на

границ, поэтому ответная реплика прозвучала хоть и жёстко, но не грубо.

– Ты проводишь скрытую мобилизацию, – произнёс Радбуд.

И остановился, поскольку реплика прозвучала обвинением.

Наамар ожидал, что сенатор Мэя, славящийся как осторожный и хитрый дипломат, некоторое время будет ходить вокруг да около, и потому прямое и недвусмысленное обвинение сбило его с толку. И наступившая в зале тишина доказала правоту Радбуда.

– Это неправда.

– Прозвучало неубедительно.

– Неужели?

Сенатор Фага лихорадочно подбирал нужные слова, но пока у него получались лишь короткие реплики, и Радбуд с удовольствием воспользовался заминкой соперника.

– Мы не дети, Наамар, мы не в игры играем, а управляем Стремлениями и обязаны тщательно взвешивать произносимые здесь слова. У меня есть разведка, и я могу рассказать, какие подразделения ты формируешь в самых северных провинциях Фага, подальше от наших глаз, чем ты их вооружаешь и как обучаешь. Поэтому давай говорить серьёзно и по существу: ты проводишь скрытую мобилизацию, а это означает, что Траймонго находится в шаге от большой войны.

– Моя разведка подтверждает данные Радбуда, – добавил

Идлен. – И мне это очень не нравится.

Феодора вздохнула, но промолчала.

– Я всего лишь реагирую на твою экспансию! – нашёлся наконец Наамар.

Этот ответ был заготовлен, но не на самое начало разговора, поэтому сенатору Фага потребовалось время на то, чтобы спланировать новую стратегию.

– На мою экспансию? – изумился Радбуд.

– Ты завалил Траймонго своими товарами.

– От этого страдают все! – поддержал Наамара сенатор Харо.

– Что я могу, если промышленность Мэя опережает конкурентов? – развёл руками Радбуд. – Да, мы делаем товары и дешевле, и лучше. Но кто в этом виноват? Нужно было вкладываться в разработки, а не в новые мундиры для военных.

– Твои банки загоняют в кабалу весь континент!

– Кто вам мешает оказывать качественные финансовые услуги? Почему ваши банкиры больше напоминают ростовщиков, чем специалистов в области кредитования? Вы сами отдаёте моим людям рынок, а потом удивляетесь результату. И, вместо того чтобы учиться и разгонять экономику, ты, Наамар, захватил Стремление Харо.

– Меня никто не захватывал! – возмутился старый сенатор.

– При всём уважении, Габрис, союз Харо и Фага давно перестал быть секретом.

– Как и ваша коалиция с Суно!

– Мы были вынуждены её создать, чтобы противостоять вам.

– А в итоге ваша экономическая экспансия только усилилась.

– Не отходи от темы.

– А какая у нас тема?

– Ты готовишься к войне, Наамар.

– Потому что ты поглощаешь мою экономику. И унижаешь мой народ.

– У нас один народ.

– Ты сам в это веришь?

– Иначе бы не говорил.

– Лицемер.

– Наамар, постарайся обойтись без оскорблений, – попросила Феодора. – Если тебе нечего сказать – промолчи, а не ругайся. Не превращай Сенат в базар.

Уверенный и жёсткий голос уверенной и жёсткой женщины слегка остудил разошедшихся сенаторов. С минуту в зале царила тишина, после чего Наамар угрюмо бросил:

– Южане отказывают фага в работе.

– Это не так, – резко ответил Радбуд.

– Существуют тысячи примеров того, что это так.

Оспаривать это заявление не имело смысла, поскольку все присутствующие понимали: нет ничего проще, чем накопить нужные «доказательства» из всех Стремлений. Вместо этого

Радбуд пожал плечами:

– Люди нанимают на работу тех, чьи деловые или профессиональные качества их устраивают.

– Давно ты перестал считать нас людьми? – мгновенно среагировал сенатор Фага.

Он так откровенно шёл на конфронтацию, что Феодора не выдержала:

– Наамар, что в тебя вселилось?

– Я всего лишь прошу Радбуда не оскорблять мой народ.

– И в мыслях не было, – слегка удивлённо отозвался сенатор Мэя. – И сразу скажу две вещи. Первая: я не собираюсь оправдываться или извиняться за то, чего не говорил, точнее, за те слова, которые ты переврал. И второе: я действительно не понимаю, к чему ты ведёшь эти речи?

– Мне кажется, сенатор собирается разыграть карту фага, – произнесла Феодора, глядя на Наамара в упор. – И я, признаться, поражена. Мне сообщали о том, что в Уло и южных Стремлениях возникают очаги напряжения с фага, но я и представить не могла, что за ними стоишь ты, Наамар.

Фага и люди... когда-то давно они враждовали, потом помирились, потом враждовали снова. Последнее перемирие длилось уже почти сто лет, и все надеялись, что времена раздора остались позади, но Наамар, фага и сенатор Фага, вновь стал разыгрывать старую и болезненную карту. Являются ли фага людьми? Такими же людьми, как те, что населяли другие Стремления.

– Ваша политика и ваше отношение к фага создают эти очаги, – холодно ответил сенатор.

– Их не существовало, пока ты не пожелал войны.

– Я всего лишь требую справедливости.

– Оставь эти слова для своих провокационных речей.

– Это правильные слова, которые находят отклик в сердцах траймонгорцев. Никто не хочет оказаться в кабале у Мэя.

– Война – не выход, – заметил сенатор Суно.

– Полностью согласен, Идлен, – улыбнулся ему Наамар. – Мы можем избежать напряжённости, обсудив и приняв новый пакет экономических законов, обязательных для всех Стремлений.

– Пакет, который ты уже подготовил? – уточнил Радбуд.

– Назовём его «Северной инициативой», – с издевательской вежливостью продолжил сенатор Фага. – И мы считаем, что о нём должны узнать все траймонгорцы.

– Может, сначала обсудим его в нашем кругу?

– Я собираюсь вынести «Северную инициативу» на референдум. Пусть решает народ.

Наамар наконец-то определился со стратегией и сумел перехватить инициативу.

– Мы затребовали срочную встречу не для того, чтобы обсуждать ваши желания, – жёстко произнёс сенатор Мэя. – И угрозы войны в случае непринятия выгодных вам законов.

– Угроз не было, ты переврал мои слова.

Феодора покачала головой, однако вернуться в разговор не успела.

– Прости, но я не понял, для чего была нужна наша встреча? – мягко продолжил Наамар. – Я услышал безосновательные обвинения, но и только.

Южане переглянулись, после чего Радбуд вернулся к спокойному тону:

– Наамар, ты сам сказал, что мои банкиры лучше твоих и накопили больше золота. И мы все знаем, что это действительно так. Ты сам сказал, что моя промышленность лучше твоей. И мы все знаем, что это действительно так. Товары Мэя – лучшие на рынках Траймонго, но при этом – что сейчас важнее – оружие Мэя тоже лучше. И это очень хорошо сыграет в случае войны.

– Вы с Идленом собрали нас, чтобы сказать, что не боитесь войны?

– Именно так, – согласился Радбуд. – Мы знаем, во что ты играешь, и готовы играть против тебя.

– У вас меньше солдат, – хмыкнул Наамар.

– Но они лучше вооружены.

– Зато мои превосходно обучены.

– Долго вы собираетесь обсуждать свои достоинства? – не выдержала сенатор Уло. – На кону жизни людей.

– На кону только власть, Феодора, – резанул в ответ Наамар. – На кону всегда власть. Именно она означает и тысячи жизней, и деньги, и экономику, и всё остальное. Только

власть имеет значение. И сейчас мы её обсуждаем.

– Тебе нужна власть над Траймонго? – Феодора вопросительно подняла брови.

– Я не хочу, чтобы власть над Траймонго заполучил Радбуд.

– Кажется, я напрасно надеялся на конструктивные переговоры, – коротко рассмеялся сенатор Мэя.

– Ты их получил, – пожал плечами сенатор Фага.

– Мы готовы драться за единственный континент, не исследовав остальную планету, – вздохнула Феодора. – Наамар, пожалуйста, давай вернёмся к идее создания большого флота, которая объединит Стремления, а не превратит их в поле боя.

– Почему флот должен строиться в Мэя?

– Потому что мы разработали нужные технологии, – язвительно ответил Радбуд.

– Поделись ими.

– Только в виде готового корабля.

– Где твои люди будут офицерами?

– А твои – матросами.

– Ты опять всё сводишь к расовому превосходству!

– Только в твоём воображении.

Перепалка вновь стала громкой, при этом сенатор Харо, что естественно, поддерживал Фага, сенатор Суно – Мэя, и Феодоре ничего не оставалось, как вновь попытаться образумить разошедшихся мужчин:

– Перестаньте! – Она ещё могла на них воздействовать и не удивилась, что после окрика в зале наступила тишина. – Вы действительно уже всё решили? Война неизбежна?

Никому из сенаторов не понравилось, что женщина требует от них прямого ответа на весьма жёсткий вопрос, и Радбуд недовольно напомнил:

– Это мы с Идленом предложили провести встречу.

– Чтобы заявить, что готовы к войне?

Тишина.

– Наши с Габрисом условия известны, – не менее недовольно сказал Наамар. – Экономика не наш конёк, поэтому мы будем отстаивать интересы Стремлений так, как умеем.

– Мы ходим по кругу, – покачала головой Феодора.

– Скоро вырвемся, – пообещал Наамар, вставая из кресла. – Мы распечатали всем вам все документы по «Северной инициативе». Читайте, изучайте. У вас есть пять дней на размышления. Если откажетесь сотрудничать... – Сенатор Фага улыбнулся. – Если откажетесь сотрудничать, то будет, как будет.

Поскольку разговор сенаторы вели с глазу на глаз, разнести документы оказалось некому, и Наамар просто оставил три папки на своём столе. Затем они с Габрисом покинули зал, а оставшиеся переглянулись.

– Ничего не решилось, – уныло констатировал сенатор Суно.

– И не могло решиться, – поморщился Радбуд.

– Да, не могло, – согласилась Феодора, рассматривая одно из своих колец.

– Слишком много противоречий...

– Нет, противоречие одно: вы с Наамаром решили выяснить, кто из вас главный. Ты принялся душить его экономику, он отвечает, как умеет.

– Ты обвиняешь меня? – взвился сенатор Мэя.

– Нет, – вздохнула Феодора. – Я не обвиняю никого из вас, потому что знала, что рано или поздно это должно было произойти: вы с Наамаром переросли свои Стремления, вам нужно больше. И мне жаль, что мы не успели использовать ваши амбиции во благо, то есть организовать большое исследование океана.

Горький, но при этом точный анализ произвёл на оставшихся сенаторов впечатление, и спорить с Феодорой они не стали. Помолчали, мысленно не соглашаясь с тем, что морская экспансия помогла бы сохранить мир – ведь она ещё больше укрепила бы экономику Мэя, а затем Радбуд осведомился:

– Ты нас поддержишь?

– Это ничего не изменит, – вздохнула Феодора. – Даже если я выступлю за вас, это не остановит Наамара.

– А вдруг? – спросил Идлен.

– Он ясно дал понять, что или будет принята «Северная инициатива», или начнётся война.

– Мне кажется, война случится в любом случае, – не со-

гласилась сенатор Уло. – Чтобы ни пообещал Наамар – он обманет.

– Даже если мы согласимся с «Северной инициативой»? – удивился сенатор Суно.

– Мы не согласимся, – ответил Радбуд. – Он наверняка составил её так, чтобы мы не приняли «Инициативу» ни при каких условиях. Наамар верит только в силу.

– То есть войне быть?

– Скажу честно: я не знаю что должно произойти, чтобы мы выпутались из этого кризиса без крови, – мрачно ответил сенатор Мэя. – Понятия не имею, кто способен разобраться в происходящем и уладить существующие противоречия ко взаимному удовольствию сторон.

* * *

– Мессер, я очень рад видеть вас живым и здоровым.

Помпилио кивнул, показав, что услышал. Впрочем, ничего иного ИХ не ждал и деловым тоном продолжил:

– Пока наши новые друзья вылезали из воды, я быстренько осмотрел шхуну и собрал на баке всё, что можно использовать против нас: несколько ножей, два топора, гарпун и багры. Огнестрельного или метательного оружия не обнаружено.

– Хорошо.

Бабарский был настоящим суперкарго – деловым, энер-

гичным, умеющим добыть любой товар, запчасть или устройство на любой планете и протащить любую контрабанду через любую границу. Ещё Бабарский был лично знаком едва ли не со всеми воротилами Омута, обеспечивал команду дополнительным доходом и вёл финансовые дела «Пытливового амуша», благодаря чему содержание цеппеля обходилось Помпилио намного дешевле, чем могло. Внешне ИХ выглядел абсолютно мирным и немного забавным: маленького роста, кругленький, с кругленьким лицом и кругленькими щёчками, он казался абсолютно безобидным, и мало кто мог представить, что пухленький коротышка с чёрными волосами до плеч по боевому расписанию становился первым номером пулемётного расчёта, причём – отличным первым номером, которого Дорофеев часто ставил в пример остальным.

Услышав, что рыбаки помилованы и могут вернуться на борт, ИХ упросил Помпилио дать ему десять минут, оставил Мерсу приглядывать за купающимися аборигенами и устроил энергичный обыск. Заодно раздобыл три куса ткани, в которую завернули вытащенные из воды тела. Как и предполагал дер Даген Тур, ими оказались цепари с «Пытливового амуша». Затем рыбаки вытащили сети, капитан взял курс на северо-восток, а Помпилио и его офицеры расположились на баке, надев успевшую высохнуть одежду.

– Как ты ухитрился прихватить её с собой? – спросил Мерса, изрядно удивившийся тому, что Бабарский выныр-

нул из воды в обнимку со своей знаменитой сумкой.

– Я никогда с ней не расстаюсь, – улыбнулся в ответ ИХ. – Мог бы запомнить.

– Пару раз я видел тебя без неё.

– Ты проник в мою каюту, когда я спал?

– Может, и не видел, – сдал назад Олли. – Может, это был Энди.

А сам подумал, что сумка и в самом деле настолько срослась с образом Бабарского, что команда «Амуша» перестала её замечать и скорее удивилась бы, не увидев её на плече суперкарго.

– Никогда не знаешь, что и когда может неожиданно понадобиться, – закончил ИХ. – Ты ведь тоже не пустым вывалился из «Амуша»?

– Что ты имеешь в виду?

– Да, Мерса, что у тебя с собой? – поинтересовался Помпилио. Последние пару минут он внимательно разглядывал горизонт, словно надеясь увидеть цеппель. Но офицеры не сомневались, что он внимательно прислушивается к разговору, и не ошиблись.

– Если вы имеете в виду бомбы, мессер, то я могу сделать либо два мощных устройства, либо четыре послабее.

– Морская вода не повредила компоненты?

– Нет, мессер, я предусмотрел водонепроницаемые капсулы.

– Хорошо.

Должностные обязанности бортового алхимика трудно перечислить – их много, причём самых разнообразных, начиная от проверки и поддержания в рабочем состоянии огнетушителей и заканчивая проведением полевых исследований на вновь открытых планетах. Помимо этого работа в интересах остальных служб цеппеля, создание уникальных боеприпасов для коллекции уникальных бамбад дер Даген Тура и участие в приключениях, которые научили мирного алхимика тому, что оружия мало не бывает, и поэтому некоторые элементы одежды алхимика были... взрывоопасны. При этом опыт и мастерство Мерсы гарантировали, что эти элементы не проявят себя раньше времени. Достаточно сказать, что Помпилио не опасался носить при себе гранаты на основе крайне нестабильного, но необычайно мощного нитробола – настолько он был уверен в способностях Мерсы.

– Будем надеяться, что бомбы не пригодятся, но хорошо, что они есть.

– У меня в сумке завалялись две дымовые шашки, – добавил Бабарский. – Небольшие, но мощные.

– Насколько мощные?

– Легко сымитируют серьёзный пожар.

Дер Даген Тур кивнул, после чего вновь посмотрел на Мерсу:

– Ты кажешься мрачным.

Учитывая обстоятельства, вопрос прозвучал неожиданно, поскольку поводов для радости – за исключением принуж-

дения к порядку команды рыболовецкой шхуны – пока не наблюдалось.

– Я несколько растерян, – честно ответил Олли.

– Мы живы, – спокойно и очень уверенно произнёс Помпилио. – Мы встретили людей, которые нам помогают. Судя по всему, мы находимся на планете, которой нет в реестре Герметикона, но она давно обитаема, и нам не придётся создавать цивилизацию с нуля и жить в пещерах.

– Да, мессер, – вздохнул Мерса.

– Тогда что тебя смущает?

– Но...

– Всё, что нам нужно, – это отыскать «Амуш» и подняться на борт.

Глаза алхимика вспыхнули:

– Вы думаете...

– Я думаю, что Базза уже пришёл в себя, огляделся, обратил внимание на моё отсутствие и начал поисковую экспедицию, – размеренно продолжил дер Даген Тур. – А поскольку тут есть цивилизация, то наша встреча произойдёт достаточно скоро.

– Вы уверены?

– Базза прекрасно знает, что обязан делать в подобных случаях.

Помпилио в своём капитане не сомневался. Мерса тоже, но его беспокоило другое.

– Вы уверены, что с «Пытливым амушем» всё в порядке?

Несколько мгновений дер Даген Тур смотрел на Мерсу, всем своим видом выказывая удивление тем фактом, что столь недалёкий человек считается гениальным алхимиком, потом перевёл взгляд на Бабарского, понял, что ИХ тоже не прочь услышать ответ, едва заметно улыбнулся и кивнул на поверхность спокойного, можно сказать, спящего океана:

– Обломков не было. Да и трупов маловато.

Суперкарго и алхимик переглянулись и одновременно выдохнули:

– Обломков не было!

– Именно, – подтвердил Помпилио. Выражение его лица не изменилось, однако он был доволен тем, что удалось приободрить офицеров.

– А вдруг «Амуш» не вышел из Пустоты? – вновь засомневался Мерса.

– Тогда как мы оказались на планете?

– А мы – вышли.

– На какой высоте?

– Что? – переспросил алхимик, борясь с желанием снять очки и протереть стёкла.

– Если бы «Амуш» вышел из Пустоты штатно и на стандартной высоте, мы бы разбились при падении в воду, – объяснил дер Даген Тур.

Офицеры помолчали, припоминая полученные в школе знания, и мысленно согласились с утверждением Помпилио.

– В таком случае как мы оказались в воде?

– Что ты помнишь? – поинтересовался в ответ дер Даген Тур.

– К сожалению, мессер, в моём случае придётся дожидаться Энди: мои воспоминания начинаются с того, что я стою у борта с гарпуном в руках.

– Понятно, – протянул Помпилио и улыбнулся: – Полагаю, ты был несколько удивлён.

– Не то слово, мессер, – не стал скрывать алхимик. – Хотя, если честно, я давно привык находить себя в странных обстоятельствах.

– Это всё твои алхимические снадобья, – авторитетно заметил Бабарский. – Надышишься чем попало, а потом вытворяешь всякие непотребства.

– Я вытворяю? – переспросил Олли. В отличие от застенчивого Энди, эта версия алхимика могла за себя постоять, но... но только не против Бабарского.

– Давай только не будем тут нервно дышать, хорошо? – предложил ИХ. – Все вы вытворяете, когда думаете, что вас никто не видит. – И не дожидаясь ответного высказывания от возмущённого Мерсы, повернулся к дер Даген Туру: – Сразу после того, как «Амуш» оказался в Пустоте, у меня пошла кровь горлом и я потерял сознание. Очнулся в воде.

– Спасибо, ИХ.

– Но при этом... не знаю, насколько это важно, мессер, но я помню ощущение себя ненастоящим.

– Это как?

– Как будто я состоял из ничего.

– Был прозрачным, – прищурился Помпилио, припоминая увиденное в астринге.

– Да, мессер. Я, правда, решил, что это глюки, но ощущение помню отчётливо.

– Может, в этом всё дело: мы стали прозрачными и выпали из «Амуша»? – предположил алхимик.

– То есть испытали на себе неизвестную аномалию Пустоты?

– Да, мессер.

– Интересное предположение, которое объясняет всё, не объясняя ничего.

– Да, мессер. Хочу напомнить, что я занимаюсь вашими налогами, поэтому в таких вещах являюсь большим специалистом.

Дер Даген Тур наградил суперкарго долгим выразительным взглядом, который тот ухитрился выдержать, после чего уточнил:

– Ты очнулся под водой?

– Да, мессер.

– Я рад, что ты сумел справиться.

В отличие от тех цепарей, которым не повезло.

– Благодарю, мессер. Позвольте вопрос?

– Да.

– Где вы находились во время перехода? На мостике?

– В астринге. – Помпилио помолчал. – Я тоже потерял со-

знание, но перед этим услышал, что Галилей называет происходящее идеальным штормом.

– То есть нас носило по Пустоте?

– Да.

– Как долго?

– Боюсь, ответ на этот вопрос мы получим, лишь вернувшись в Герметикон, – медленно ответил дер Даген Тур. Однажды Пустота уже сыграла с ним злую шутку: Помпилио казалось, что он провёл на Ахадире меньше двух недель, а когда вернулся, выяснил, что отсутствовал полтора года и даже был признан умершим. – А пока давайте суммируем то, что мы уже знаем.

Последняя фраза прозвучала приказом к началу доклада, однако не вызвала у офицеров удивления: и Мерса, и Бабарский прекрасно понимали, что совещание рано или поздно начнётся, и успели к нему подготовиться.

– Мерса, меня преследует запах сторевшей нефы. – Помпилио поморщился. – Такое впечатление, что он повсюду.

– Вы не ошиблись, мессер. Шхуна оснащена двигателем внутреннего сгорания, поэтому запах будет преследовать вас всё ближайшее время. Я осмотрел машинное отделение и хочу отметить, что здешняя цивилизация достаточно развита. Во всяком случае, в области механики и металлообработки. Качество перегонки нефы меня не устроило, я могу сделать лучше даже в полевых условиях, но, возможно, наши новые друзья экономят и покупают дешёвое низкооктановое топ-

ливо. Ещё я задал механику несколько вопросов, из ответов на которые стало понятно, что на Траймонго не знают Философские Кристаллы, что, полагаю, и обусловило их увлечение двигателями внутреннего сгорания.

– Не сомневаюсь, что рынок назван Вонючим в честь сожжённой нефы, – скривился Помпилио, который терпеть не мог этот запах.

– Вероятно, мессер, – не стал спорить Мерса. И склонил голову, скрывая улыбку. – Что касается набора металлов, то он соответствует привычному. И применяются они так же, как используем мы.

– Хорошо. – Дер Даген Тур жестом показал, что доволен докладом, и перевёл взгляд на суперкарго: – ИХ?

– Наши новые друзья пребывают на одной из нижних ступеней местного общества, они не очень хорошо образованы, и их трудно назвать ценными источниками информации, но кое-какие сведения я из них выудил.

Здесь Бабарский немного кокетничал: все знали, что хитрый суперкарго способен превратить в ценный источник нужной информации даже самого тупого аборигена.

– Рыбаки видели, как мы появились?

– Говорят, всплыли из-под воды.

– Как такое возможно? – не удержался Мерса. – Разве мы не должны были выпасть из цеппеля?

– «Амуша» тут не было, – отрезал ИХ. – Даю слово, что аборигены о нём рассказали бы.

– То есть мы просто вынырнули из-под воды?

– Мы договорились рассматривать всё непонятное как результат действия неизвестной аномалии или Знака Пустоты, – напомнил Помпилио. Алхимик замолчал. – ИХ, продолжай.

– По словам местных, заселившие Траймонго люди сосредоточены на одном континенте, довольно большом, насколько я понял, и естественным образом поделённым на Сады и Небо.

– Сады и Небо? – переспросил Мерса.

– Ага, – подтвердил ИХ. – А сейчас мы находимся в Море.

– Я заметил, – язвительно отозвался Олли.

– Это третья составляющая мира в их понимании: Небо, Сады и Море.

– Может, они верят, что зародились в Море, живут в Садах, а потом возносятся на Небо? – предположил алхимик.

– Судя по их рассказам, Небо заселено обыкновенными людьми, – доложил Бабарский и тут же пообещал: – Я ещё поговорю с ними, может, получится переложить их путанные рассказы на нормальный язык.

– Было бы неплохо, – хмыкнул Мерса.

– Если не получится – сами разберёмся. – Помпилио помолчал. – Что-то ещё?

– Континент, к которому мы приближаемся, поделён на пять Стремлений. Если я правильно понял, так они обозначают местные государства.

– Весьма странно.

– Полностью с вами согласен. Я переспросил несколько раз, но ответы не изменились: Стремления – это здешние государства.

– Может, название отражает метафорический смысл прикладываемых ими усилий? – предположил Мерса.

И добился того, что Бабарский и дер Даген Тур несколько секунд пристально его разглядывали.

Смутился, что у Олли получалось реже, чем у Энди, и проямлил:

– Ну, возможно.

– Ты снова перескочил? – поинтересовался ИХ.

– Нет.

– Местные помнят о Герметиконе? – спросил Помпилио.

– Конкретно наши новые друзья знают, что пришли из другого мира, предполагают, что где-то существуют другие заселённые людьми планеты, но особо над этим не задумываются – слишком много повседневных дел. Кстати, вы обратили внимание на то, как забавно они говорят? Пользуются стандартным универсалом, но тянут две гласные, причём те же самые, какие тянут тинигерийцы.

– Хочешь сказать, что мы в их секторе?

– Просто обратил внимание на странный говор, – развёл руками Бабарский, показывая, что делать выводы он оставляет дер Даген Туру.

– Если так, то, оседлав шторм, мы преодолели каатиан-

ский сектор, – протянул Помпилио. – Это очень много... много дальше, чем способен отправить цеппель астринг.

– Да, мессер, – согласился ИХ.

– Сколько существует Траймонго? – вернулся к расспросам дер Даген Тур.

– По косвенным признакам – примерно шестьсот лет.

– Что за «косвенные» признаки?

– Рыбаки сказали, что сейчас идёт шестьсот двенадцатый год по Новому календарю.

– Что тебя смущает?

– Я не знаю, с какого момента введён Новый календарь.

Помпилио покачал головой, вздохнул и кивнул на алхимика:

– Мерса у нас зануда, а не ты.

Бабарский хмыкнул.

– С вашего позволения, мессер, штатным занудой на борту «Амуша» является Хасина, – немного обиженно пробубнил Олли. – Это все знают.

– А из нас троих?

– Из нас троих – я, – вынужден был признать Мерса. –

Извините.

Они рассмеялись, после чего Помпилио поднялся на ноги, потянулся, прищурился, глядя на северо-восток и произнёс:

– Кажется, приближаемся.

«Думаю, Энди, окажись ты на моём месте – обязательно подверг слова мессера сомнению, стал бы задумываться, прикидывать вероятности... А я сразу поверил в то, что всё будет хорошо. И считаю, что иначе было нельзя. Да, предположение мессера о том, что цеппель благополучно пришёл на Траймонго и сейчас разыскивает нас, прозвучало весьма оптимистично, но как ещё ему нужно было себя вести? Мы находимся на неизвестной планете, пока не вошедшей в Герметикон, и движемся к месту, называемому Вонючий рынок. Мы ничего не знаем о судьбе «Пытливового амуша», и это при том, что на его борту находятся самые дорогие для нас люди: Кира – для мессера, Аурелия – для меня. Встретимся ли мы? Живы ли они? Так вот, для того чтобы встретиться, для того чтобы они оказались живы, нужно всего лишь верить в то, что мы встретимся, и верить, что они живы. Только и всего. Верить. И когда мы с Бабарским поддались минутной слабости, мессер чётко нам продемонстрировал, что нельзя терять присутствие духа. И веру. Он показал, что нисколько не сомневается в успехе, и его решимость помогла нам собраться. А ведь это очень важно – не сомневаться на пути к выбранной цели. Идти твёрдо. И верить. Мессер не мог не беспокоиться, не мог не переживать – я понимал это намного лучше Бабарского. Но мессер знал, что

переживания не помогут.

Только вера.

И твёрдость...»

*Из дневника Оливера А. Мерсы *alh.d.**

* * *

– Разве такое возможно? – удивился Аксель. – Я где-то читал, что океан физически не может покрывать всю планету.

– Такие случаи в Астрологических атласах ещё не зафиксированы, – подтвердил Дорофеев. – Но это не значит, что такой планеты не существует.

– На Кардонии океан покрывает семьдесят три процента поверхности планеты, – сообщила Кира. – Это самая большая доля из известных.

– Уже нет, адира, – вежливо уточнил Дорофеев. – Перед отлётом я читал годовой отчётный доклад Астрологического общества и обратил внимание на открытие планеты с долей океана в семьдесят восемь процентов.

– Подтверждённый доклад?

– Да, адира, официальный.

– Воды становится больше, капитан.

– Можно сказать и так, адира.

– То есть теоретически лежащий под нами океан может никогда не закончиться? – вернулся к интересующей его те-

ме Аксель.

– Теоретически – да, – подтвердил Дорофеев. – Но я надеюсь на обнаружение суши.

– Я тоже, – вздохнула Кира. – Я тоже.

И на мостике наступила тишина.

Аксель Крачин занял должность старшего помощника капитана «Пытливый амуш» примерно два года назад и тогда же начал обучаться премудростям управления цеппелем. Впрочем, учеником он оказался способным, знания схватывал на лету, опыта практической работы тоже приобрёл достаточно, поскольку дер Даген Тур не сидел на месте, и претензий у Дорофеева к Крачину не было. Однако общих знаний ему иногда не хватало. Но Аксель старался. Старался так же упорно, как когда-то давно постигал премудрости Хоэкунса, добравшись в Высоком искусстве достижения цели до титула бамбадир. И это было главной причиной, по которой Помпилио предложил Акселю должность – дер Даген Туру потребовался ещё один высококлассный воин.

– В любом случае в океане есть жизнь, – произнесла Кира, указывая на очередной косяк рыб, хорошо заметный с высоты полёта цеппеля. – Без еды мы не останемся.

– Если Хасина подтвердит, что её можно есть.

Проверка воды, воздуха, растений и животных входила в обязанности корабельного медикуса Альваро Хасины, которому не терпелось изучить какую-нибудь живность с новой планеты. Он уже несколько раз предлагал Дорофееву сни-

зиться и выловить «пару-тройку образцов местной ихтиологии», однако капитан не соглашался, аргументируя отказ отсутствием времени. Тратить драгоценные минуты на рыбалку в то время, когда Помпилио могла срочно требоваться помощь, Дорофеев и в самом деле считал глупым. Что же касается припасов, то он как раз ожидал доклад о состоянии дел от Теодора Валентина, который в обычное время являлся слугой дер Даген Тура, а сейчас принял на себя обязанности суперкарго, заменив пропавшего Бабарского. И как раз поднялся на мостик – предложить Кире чашку горячего шоколада.

– Теодор!

– Капитан.

– Вы приняли дела Бабарского?

– Полагаю, только законные.

Валентин слишком хорошо знал суперкарго, чтобы не проявить разумную осторожность.

– Разумеется, Теодор. В настоящий момент меня интересуют исключительно они.

– Да, капитан. Я как раз подготовил доклад...

– Что у нас с запасами?

Дорофеев понимал, что торопится, и потому не удивился тому, что Валентин отвесил ему вежливый полупоклон, после чего подошёл к Кире, предложил ей шоколад, кружку с которым принёс на маленьком серебряном подносе, и только после этого вернулся к делам:

– Единственная позиция, которая не вызывает беспокойства, – это продовольствие: имеющиеся на борту запасы гарантируют «Пытливому амушу» минимум три недели автономного полёта. Есть определённые проблемы с боеприпасами, поэтому я бы рекомендовал в ближайшее время избежать серьёзных сражений.

– Что по ним?

– Израсходовано сорок процентов пулемётных снарядов и половина пушечных. И вряд ли мы сможем восстановить боезапас до возвращения в цивилизованные миры. – Валентин многозначительно посмотрел на океан. – Даже если на этой планете отыщутся разумные жители.

– Это всё?

– К сожалению, нет. Мы потеряли больше половины запаса пресной воды.

– Что случилось? – нахмурился Дорофеев. – В бою повредили баки?

– Баки целы, капитан, однако их содержимое представляет из себя желеобразную массу, и мне нужно несколько цеппарей, чтобы избавиться от неё.

– Когда это произошло?

– Полагаю, во время последнего перехода, – невозмутимо ответил Валентин. – Насколько я понимаю, он сопровождался необычными явлениями.

– Почему в таком случае не испортилась вся вода?

– По той же причине, по которой не потеряли свои свой-

ства все проводники.

– Какие проводники? – не понял Базза.

– Электрические, – уточнил Валентин. – Бедокур доложил, что один из главных силовых кабелей внезапно стал диэлектриком. При этом остальные сохранили свои свойства. То же самое случилось и с водой: в некоторых баках она испортилась, в некоторых осталась такой, какой была.

– Гм... – Умение слуги дер Даген Тура быть в курсе абсолютно всех происходящих на цеппеле событий иногда приводило Баззу в лёгкое замешательство. – Я согласен с вашей оценкой, Теодор, и прикажу Бедокуру направить на очистку баков команду – это необходимо сделать как можно скорее.

– Благодарю, капитан. Позвольте ещё один вопрос?

– Разумеется.

– Вы ведь планируете сообщить команде дальнейшие планы?

Дорофеев мгновенно понял, что стоит за вежливым вопросом Валентина, и вздохнул:

– Цепари волнуются?

– Да, капитан.

– Сильно? – подал голос Аксель.

– Наблюдается определённая и вполне естественная растерянность.

Валентин не стремился использовать в своей речи ярко окрашенные определения, но по тону, которым он произнёс слово «определённая», Дорофеев и Крачин поняли, что об-

щее собрание следует провести как можно скорее.

– Они получают ответы.

– Очень хорошо, капитан...

Однако закончить фразу вопросом «Когда?» Теодор не успел: вперёдсмотрящий крикнул:

– Земля!

Старшие офицеры подошли к лобовому окну и устремили взгляды на показавшийся на горизонте остров.

– Не то чтобы земля... – протянул Крачин, оценивая размеры суши.

– Самая настоящая, Аксель, твёрдая, – улыбнулась Кира, сделав глоток шоколада.

– По всей видимости, остров необитаем, – заметил Дорофеев.

– Думаю, имеет смысл сделать короткую остановку, – произнесла Кира.

– Потеряем время, – вздохнул Дорофеев, не сводя взгляда с острова.

– Мы прошли больше двухсот лиг, – очень тихо напомнила рыжая. – Есть ощущение, что мы ищем не там.

Она похолодела, произнося эти слова, но знала, что права.

– Заросли свидетельствуют о наличии воды, – добавил Аксель.

– Курс на остров, – громко приказал Дорофеев. – Швартовочной команде приготовиться к посадке. – После чего понизил голос и следующую фразу произнёс только для Киры и

Крачина: – Твёрдая почва под ногами взбодрит людей. Я выведу их из цеппеля и расскажу, что мы будем делать дальше.

* * *

А чтобы ещё больше поднять моральный дух команды, Кира предложила Дорофееву провести весьма значимую для Астрологического флота церемонию, и капитан согласился.

Но прежде требовалось совершить посадку.

Скеписис Акселя оказался преждевременным – остров оказался большего размера, чем путешественникам показалось сначала, однако густые заросли, среди которых то и дело попадались одиночные скальные столбы, делали его весьма неподходящим для приземления цеппеля, поэтому Дорофеев принял решение садиться на довольно широкий – метров сто, не меньше – пляж. Зато облёт острова подтвердил первоначальное впечатление – он оказался необитаемым. Определив скорость и направление ветра, База подвёл «Амуш» к пляжу, находящемуся с подветренной стороны, который рассекала впадающая в океан речушка, опустился до пятидесяти метров и отправил наземную команду в «корзине грешника». Оказавшись на пляже, цепари закрепили сброшенные якоря в обломках скал, после чего электрические лебёдки подтянули цеппель к земле. И всё это время их прикрывала вооружённая команда Акселя. Когда же «Амуш» оказался у земли, Крачин завёл отряд в лес, но, не обнаружив в зоне до-

связаемости опасных животных и даже их следов, вернулся на пляж, не забыв выставить у опушки наблюдательные посты.

Только после этого Дорофеев разрешил команде сойти на берег. Но не «погулять», а заняться неотложными делами: медик Хасина и его небольшой отряд отправились к реке – взять пробы воды и выловить «пару-тройку образцов местной ихтиологии» для дальнейших исследований; остальные занялись осмотром «Пытливый амуш» и необходимым наружным ремонтом – после многочисленных столкновений в Трио Неизвестности и прыжка сквозь идеальный шторм цепель в нём очень нуждался. Работа спорилась, и если у цепарей были вопросы – а у них были вопросы! – их пока держали при себе. И потому что понимали, что «Амуш» необходимо привести в порядок – ведь только на нём можно вернуться домой; и потому что перед высадкой Дорофеев объявил, что по окончании работ проведёт общее собрание экипажа. Услышав это, цепари работали споро, но закончили – с перерывом на быстрый обед – только через шесть часов. Цеппель подлатали, проверили и отрегулировали рули и закрепили расшатавшуюся мотогондолу. Хасина проверил воду, убедился в её пригодности и безопасности, распорядился собрать трубопровод с тремя очистными блоками, и наполнил отмытые и продезинфицированные баки.

И только когда с делами было покончено, Дорофеев приказал команде выстроиться на пляже, однако началось собрание неожиданно: капитан подал команду «Смирно!», и

на пляж вынесли временный обелиск – металлический знак Астрологического флота, официально подтверждающий, что цеппель побывал на планете, а команда сходила на берег. Демонстративной установкой обелиска Дорофеев показал команде, что не сомневается в благополучном разрешении предприятия и уверен, что планета расположена недалеко от исследованных границ Герметикона.

И голос его звучал с необычайной твёрдостью.

– Властью, данной мне Астрологическим флотом, я официально объявляю эту планету частью Герметикона и определяю ей временное название Шога.

Яму под мощное основание обелиска выкопали заранее, поэтому цепарям осталось лишь установить и закопать основание обелиска, укрепив его крупными камнями, после чего Дорофеев продолжил:

– Теперь я сообщу официально то, о чём вы уже знаете или догадываетесь. Первое. Во время прыжка с Трио Неизвестности «Пытливый амуш» был захвачен идеальным штормом Пустоты, который, как мы сейчас видим, оказался сопряжён с неизвестной аномалией или Знаком. В результате сочетания этих факторов мы оказались на планете Шога, однако по косвенным признакам можно предположить, что Шога расположена недалеко от Герметикона и вскоре мы вернёмся домой. Второе. При переходе на планету несколько членов экипажа оказались за бортом. Как именно это произошло, нам пока неизвестно, однако в настоящий момент

отсутствуют пятеро нижних чинов, два офицера – алхимик и суперкарго, а также мессер Помпилио дер Даген Тур.

На этих словах среди цепарей пробежал ропот. Дорофеев понимал, что услышит его, поэтому поднял руку, призывая подчинённых к тишине, и спокойно продолжил:

– Мы внимательно изучили обстоятельства произошедшего и пришли к выводу, что наши товарищи могли покинуть корабль только здесь, на планете. А значит, мы их найдём.

Эти слова ропота не вызвали. Ведь старый закон гласил, что своих бросать нельзя, и все стоящие перед Дорофеевым цепари прекрасно знали, что их бы тоже искали. Может, не так долго, как будут искать Помпилио, но искали бы. Поэтому промолчали, лишь некоторые покивали головами в знак согласия.

– У нас есть предположение, как искать наших товарищей, и мы приложим все усилия, чтобы их найти, – закончил Базза. – Одновременно мы будем изучать звёздное небо, чтобы понять... где именно мы находимся. И как быстро Галилей сможет нас отсюда вытащить.

Дорофеев замолчал, давая понять, что сказал всё, что хотел, и через мгновение один из цепарей сделал шаг вперёд.

– Разрешите вопрос, капитан!

Базза молча кивнул.

– Каково состояние Галилея?

– В настоящий момент бортовой астролог «Амуша» про-

ходит курс реабилитации. Переход дался ему нелегко.

Ответ не являлся ложью в той же степени, в которой не являлся правдой.

– Он поправится?

– Мы все на это рассчитываем. И нашу уверенность подкрепляет тот факт, что Аурелия не сомневается в успехе. В настоящее время Галилей не в состоянии выполнять должностные обязанности, но я и вахтенные офицеры достаточно подготовлены для работы с астрологическими картами и сумеем заменить Галилея.

– А с астрингом?

Все... все, без исключения цепари затаили дыхание.

– Я обладаю достаточными навыками работы с астрингом, – с прежней твёрдостью заявил Дорофеев.

– А опытом? – выкрикнул кто-то из строя.

Выкрикивать вопросы из-за спин товарищей запрещалось даже во время собраний, во время которых цепари получали определённые послабления. При этом нарушитель не имел в виду ничего плохого – он просто не сдержался и растерялся, когда на него зашикали со всех сторон.

– Он получит взыскание, – спокойно пообещал Бедокур.

Дорофеев кивнул, обвёл выровнявшийся и успокоившийся строй внимательным взглядом и улыбнулся:

– Если кто-то усомнится в моём опыте работы с астрингом, он сможет остаться здесь.

– Весьма доходчиво, капитан, – одобрил Бедокур.

Базза же выдержал ещё одну паузу и чуть менее жёстко произнёс:

– Это не первая наша переделка, и она не выглядит особенно сложной. Мы знаем что должны делать, мы знаем как должны делать, мы будем работать, если надо – сражаться, а главное – всегда стоять друг за друга. Мы отыщем наших товарищей и уйдём отсюда.

Дорофеев говорил заметно спокойнее, чем минутой раньше, однако чётко дал понять, что выступление закончено и пора возвращаться на цеппель. В этот момент Бедокур должен был скомандовать: «Разойтись!» – но не успел.

– Капитан! – Один из постовых, тот, который располагался у левого окончания пляжа, рядом с рифами, покинул пост и торопливо подбежал к Дорофееву. – Капитан!

В его голосе не было испуга, наоборот – радость, поэтому Базза жестом велел команде держать строй и повернулся к постовому:

– Что случилось?

– Разрешите доложить: только что обнаружено среди скал.

И цепарь протянул обломок медной таблички, на которой было написано: «Весёлая Дже...»

– Что это? – спросила подошедшая Кира.

– Судя по всему, это название разбившегося здесь корабля. – Базза позволил себе улыбку – настоящую, широкую улыбку. – Планета обитаема! И они говорят на универсале!

А вот это заявление было встречено громкими криками

радости, за которые никто не получил взыскания.

Глава 2

в которой Помпилио и Мерса знакомятся с властями, Барбарский – с достопримечательностями, «Пытливый амуш» добирается до континента, Дорофеев проявляет уважение, Аурелия объясняет происходящее, Наамар повышает ставки, а Радбуду приходит козырная карта

Открывшаяся картина не заставила путешественников замереть от изумления, не вызвала ошеломления, как невероятные виды Трио Неизвестности, но произвела сильное впечатление.

Появившийся континент занял сразу весь горизонт и рос постепенно, по мере приближения шхуны, пока не превратился в отвесный скалистый берег, поднимающийся на сто пятьдесят метров – так уверяли рыбаки, и Помпилио не видел причин им не верить – над уровнем моря. Континент представлял собой гигантское плато. И никакой «подошвы» внизу, никакой, даже малюсенькой, береговой линии – тёмно-коричневые скалы вырастали из воды и стремились вертикально вверх, к небу, формируя ещё одну, и тоже идеально ровную, линию горизонта... Нет, не идеально. Будь скалы безжизненными, «верхний» горизонт получился бы ровным, но его линию нарушали густо растущие деревья, заросли которых прерывались то полями, то постройками.

– Видимо, там расположены те самые Сады, о которых говорили рыбаки, – предположил Мерса.

– Скалистое плато, а наверху – плодородная почва? – зачем-то уточнил Бабарский.

– Да.

– Интересное географическое строение, – подал голос дер Даген Тур.

– Как думаете, мессер, весь континент расположен на плато?

– Разумеется, ИХ, в противном случае аборигены устроили бы порт в более удобном месте. А они вынуждены цепляться к скалам.

– Может, там есть естественный спуск? Или они его пробили?

– Посмотрим.

– Рыбаки сказали: сначала Море, потом Сады, потом – Небо, – припомнил Мерса. – Не получится ли так, что нас ждёт ещё одна ступенька?

– Плато на плато?

– Да, мессер.

– Это будет красиво, – подумав, а точнее – представив, высказался Помпилио. – Надеюсь, ты прав, Мерса, и нас ждёт ещё одно удивительное зрелище.

– Полагаете, мы доберёмся до местного Неба? – осторожно спросил алхимик.

– Не будем же мы всё время сидеть на лодке? Или в порту.

Который они сами называют Вонючим.

– Удовольствие, надо полагать, сомнительное, – вернулся в разговор Бабарский. – К тому же у меня от кошмарного здешнего воздуха делается избыток соли на ногтях – последствия вистурианского заземления.

Только ИХ, вечно ищущий, а главное – находящий – у себя симптомы самых экзотических заболеваний, мог назвать вредным свежий морской воздух.

– А Хасина, как на зло, далеко, – хмыкнул Мерса.

Медикус с удовольствием скармливал мнительному суперкарго экспериментальные препараты, часто предназначенные для лечения болезней с совсем иными симптомами, разумно полагая, что «доброму коню всё в прок». «Добрый конь» иногда ругался на последствия, но послушно съедал всё, что давали, пытаясь вылечиться от всего сразу.

– Ничего, у меня есть запас таблеток на все случаи жизни, – ответил Бабарский, хлопнув по сумке. И перевёл взгляд на дер Даген Тура: – Как думаете, мессер, здесь много портов?

– Плато не позволило им как следует развить морское судоходство. Если континент достаточно велик, жизнь аборигенов сосредоточена на нём, и в лучшем случае они только-только задумываются о больших морских экспедициях.

– Раньше в них не было смысла?

– Да, ИХ, – раньше в них не было смысла, – подтвердил Помпилио. – И не забывай о высоте плато, которое служит

серьёзной преградой для развития портов. – Он помолчал, однако решил, что высказался недостаточно полно и продолжил: – Как показывает опыт всех цивилизаций, созданных беглецами от Белого Мора и другими переселенцами, например Эпохи Инезирской династии, исследования других континентов начинают по одной из трёх причин... Или по всем сразу. Первая – открытие и захват новых земель, но если обитатели Траймонго не испытывали недостатка в пространстве, эта причина отпадает. Точнее, отодвигается. Вторая – развитие торговли, но если экономическая жизнь сосредоточена на одном континенте и они сумели создать на нём хорошую дорожную сеть, то и эта причина перестаёт играть значимую роль – дешевле и проще выстроить сухопутную логистику. Третья причина – поиск необходимых ресурсов, но если всё нужное и в достаточном количестве есть, то...

– Море не нужно.

– Море не нужно.

– Но в Море они вышли, – обронил Мерса.

– Люди любознательны, – пожал плечами дер Даген Тур. – К тому же в какой-то момент появляются лишние ресурсы, которые разумный правитель может вложить в стратегические проекты, заложив фундамент на перспективу. Не удивлюсь, если они начали пробивать удобный спуск к морю, но или работы ведутся неспешно, или начаты не так давно.

– То есть в море они вышли недавно и из любопытства?

– Полагаю, да.

Некоторое время путешественники молчали, разглядывая то скальную стену – капитан вёл шхуну примерно в двух лигах от неё, но впечатление от соседства с колоссальным плато не исчезало, скорее усиливалось; то попадающиеся навстречу судёнышки – тоже рыболовецкие, самого разного размера. Их присутствие показывало, что порт рядом, и Бабарский негромко поинтересовался:

– Мессер, что вы думаете о наших добрых спутниках?

Слова казались совершенно невинными, однако вопрос заставил Мерсу вздрогнуть: тон суперкарго не оставлял сомнений в том, что он имеет в виду. ИХ был опытным разведчиком и знал, на что иногда приходится идти ради выживания. Алхимику тоже приходилось принимать участие в опасных приключениях, однако он считал – и будучи Энди, и будучи Олли, что на крайние меры следует идти исключительно в крайних случаях, и очень обрадовался, услышав рассудительный ответ Помпилио:

– Мы ничего не можем с ними сделать.

– Они сдадут нас властям.

– Я знаю. – Дер Даген Тур был куда жёстче Бабарского, в этом смысле их даже сравнивать было нелепо, реши он, что дело того требует – устранил бы всех пятерых рыбаков без сомнений и колебаний. И через десять минут даже не вспомнил бы, что кроме его самого и офицеров «Амуша» на судне был кто-то ещё. Однако сейчас он был скован некоторыми обязательствами. И резонами. – Во-первых, я дал сло-

во, – напомнил Помпилио, заставив Бабарского слегка смутиться. – Во-вторых, местные знают шхуну, знают, кто на ней ходит, и если мы явимся в порт без спутников, обязательно возникнет вопрос: где команда? И у нас будет ещё больше неприятностей.

Не то чтобы это запрещалось, но убийство аборигенов считалось не самым лучшим началом исследования новой планеты и налаживания добрых отношений с её обитателями.

– Согласен, мессер, – кивнул ИХ. – Но что будем делать? Вряд ли встреча с властями получится тёплой. Во всяком случае, сразу.

– Я возьму Мерсу и буду импровизировать, – медленно произнёс дер Даген Тур, глядя Бабарскому в глаза. – А ты – смотреть, как тут и что.

Суперкарго улыбнулся:

– Я понял, мессер.

– Справишься?

– Не в первый раз. – Разведка чужой территории считалась делом опасным и трудным, однако ИХ обожал знакомиться с новыми мирами «изнутри» и делал это блестяще. – Задача?

– Осмотреться, собрать сведения о состоянии местных дел, при необходимости оказать поддержку.

– Связь?

– Никакой связи. Ты сам поймёшь, когда нужно будет появиться. Или я тебя призову.

– Да, мессер.

– Извините... э-эээ... мне весьма неловко, но я, простите, ничего не понял. – Мерса снял очки, протёр их наконец-то высохшим платком и вернул на нос. – Извините.

Многочисленные извинения и вернувшаяся в речь «э-эээ» чётко указывали на то, что Энди сменил Олли, а значит, с алхимиком станет чуть больше проблем, чем обычно.

– Это нормально, что не понимаешь, – улыбнулся дер Даген Тур. – Ты остаёшься со мной и будешь делать то, что я скажу. Или то, что делаю я.

– А если... извините, нас с вами разделят? Мне нужно будет молчать? Не отвечать ни на какие вопросы?

Мерса готов был молчать сколько угодно, хоть под страхом пыток, хоть под ними, но, будучи человеком точных наук, стремился прояснить ситуацию, пока это было возможно. ИХ и дер Даген Тур переглянулись, одновременно подумав, что алхимик поднял правильный вопрос, и Помпилио прищурился:

– Нам действительно стоит выработать единую легенду и придерживаться её.

– Да, мессер, – согласился Бабарский. – Причём лучше сделать легенду достаточно доброжелательной, чтобы запугать местных не больше необходимого и при этом внушить им определённый оптимизм.

– Простите, но что означает... э-эээ... «запугать не больше необходимого».

– Какой ты любопытный, – всплеснул маленькими ручками ИХ. – А по виду не скажешь.

– Я просто хочу... э-эээ... разобраться. Извините.

Бабарский посмотрел на Помпилио, тот едва заметно кивнул, показав, что сам ничего объяснять не намерен, и супер-карго развил тему:

– Местные должны понимать, что мы – хорошие, добрые люди, прилетевшие к ним с безусловно чистыми намерениями. Но при этом им следует дать понять, что если они нас хоть пальцем тронут, то следом явятся наши друзья, которые тоже хорошие, но не такие добрые, как мы, и порубят обидчиков на вегетарианский салат.

– Вегетарианский? – удивился алхимик, поскольку речь шла о живых существах.

– Мясо порубят так мелко, что его вкус не будет чувствоваться, – объяснил ИХ.

– А-ааа...

– Но при этом мы должны будем объяснить это так, чтобы местные не перепугались и не расстреляли нас сразу, потому что всё равно пропадать.

Объяснения Бабарского слегка прояснили ситуацию, но именно слегка, и алхимик обратился к Помпилио:

– Мессер?

– В целом – всё сказано верно, – ответил дер Даген Тур. – Поэтому наша легенда будет такой: мы – мирные исследователи и разведчики. Мы получили приказ отправиться на

недавно обнаруженную планету, пересекли Пустоту, однако выход из неё получился нештатным, и в настоящее время мы не знаем, ни где наш цеппель, ни как нам удалось его покинуть. И как вообще оказались в воде. По сути, всё перечисленное – правда, поэтому легенду никто не забудет. – Короткая пауза. – Мерса, ты – алхимик Астрологического флота. Я... гм... – Помпилио на мгновение задумался. Он не хотел рассказывать местным властям, что является представителем одного из древнейших адигенских родов Герметикона. Во всяком случае, сразу. Если потребуется – скажет, но не ранее. – Допустим, я – руководитель научной части экспедиции. Бабарский, ты – суперкарго. Надеюсь, тебе самому об этом говорить не придётся, а мы с Мерсой скажем, что ты запаниковал и потому сбежал.

– А ты сбежишь? – удивился алхимик.

– Ты ведь слышал, что мне велено тут осмотреться.

– Не слышал.

– Ну, значит, только что услышал, – рассмеялся ИХ и тут же вновь стал серьёзным: – Мессер, позвольте уточнение?

– Разумеется.

– У меня есть некоторые сомнения, что, после того как вы отправили за борт четверых рыбаков и пообещали освежевать пятого, мы сумеем убедить местные власти в том, что вы – учёный.

– Я видел разных учёных, – заметил Помпилио, припоминая друзей из Астрологического флота, перешедших в него

из Воздушного флота своих дарств.

– Не сомневаюсь, мессер.

И они одновременно посмотрели на Мерсу. Мерса покраснел и поправил очки:

– Извините?

– Гм... пожалуй, – вынужден был признать дер Даген Тур.

– Пожалуй, что? – уточнил алхимик. Но вновь остался без ответа.

– Возможно, вы – представитель торговой корпорации? – выдал свою версию Бабарский.

– Или помощник капитана по безопасности?

– Да, мессер, эта идея кажется наиболее удачной.

Несколько мгновений Помпилио смотрел на скальную стену, словно пробуя свою личную легенду на вкус, затем посмотрел на Мерсу.

– Я не забуду, мессер, – пообещал алхимик.

– Хорошо. Передай капитану, что я хочу его видеть. – И дождавшись, когда Мерса отойдёт на несколько шагов, тихо сказал: – Когда появится «Пытливый амуш» – направляйся к нему. Им ты будешь полезнее, чем мне.

– Вы уверены, мессер? – поднял брови ИХ.

– Разумеется, – ответил Помпилио чуть удивлённо. – Я справлюсь и за Мерсой присмотрю, а вот цеппель покажется аборигенам ценным призом. При этом на борту нет ни меня, ни тебя, только Базза, и будет хорошо, если кто-то, уже

освоившийся на земле, подскажет ему что к чему.

– Да, мессер.

– Я на тебя полагаюсь, ИХ.

– Спасибо, мессер. – Суперкарго машинально провёл рукой по сумке. – Но я... простите мои сомнения, мессер, но когда я спросил, уверены ли вы, то имел в виду ещё и то...

– «Амуш» на Траймонго, ИХ, в этом нет сомнений. Они придут, Добрый Маркус нас не оставит, – негромко, но очень твёрдо произнёс дер Даген Тур. – Они обязательно придут и будут нас искать. Не знаю, кто из нас первый выйдет с Баззой на связь, но мы будем точно знать, где находимся и что нужно делать.

Бабарский понял, что Помпилио гонит от себя сомнения в любом другом исходе, и не стал развивать тему. Тем более Мерса как раз подвёл капитана и внимание дер Даген Тура переключилось на него.

Но не сразу.

Долго, почти минуту, Помпилио смотрел встревоженному аборигену в глаза, после чего осведомился:

– Я щедро тебе заплатил?

– Более чем, мессер, – запинаясь ответил капитан.

– Думаю, за такую монету тебе пришлось бы работать месяцац.

– Две недели.

Спорить дер Даген Тур не собирался. Повёл рукой, показывая, что в ответе не было необходимости, и осведомился:

– За сколько ты собираешься нас продать?

Если вопрос и вызвал у аборигена замешательство, он сумел никак его не проявить. И очень спокойно, настолько спокойно, что Помпилио одобрительно кивнул, ответил:

– Мы это обсуждаем.

– Бойтесь, что вам не заплатят?

– Да, мессер.

– Добавлю от себя, что скорее всего ты окажешься в убытке.

А вот это заявление заставило капитана проявить чувства.

– Каким образом? – растерянно спросил он.

– У тебя отберут мою монету.

– Почему?

– Назовут уликой. – Дер Даген Тур едва заметно улыбнулся. А вот Бабарский улыбнулся широко, но прятать улыбку не стал, поскольку стоял за спиной аборигена. А улыбнулся потому, что не хуже Помпилио знал, как ловить простолюдинов на жадность.

– Вы о ней расскажете? – уныло спросил капитан.

– В общении с представителями власти я предпочитаю честность.

Улыбка Бабарского стала ещё шире, поскольку дер Даген Тур сам и был властью, и требовал честности от тех, кто общался с ним.

– Что же мне делать? – растерялся капитан, которому очень не хотелось расставаться с честно заработанным золо-

том.

И его восклицание показало, что предварительная работа проведена успешно и можно начинать диктовать условия. Помпилио продолжил говорить в прежней манере, а вот суперкарго стал серьёзным, поскольку понимал, что в требованиях будут отражены ближайшие планы их экспедиции.

– Как ты уже понял, я случайно оказался в ваших краях, не собираюсь задерживаться и не хочу, чтобы мне сильно мешали. Я готов расширить нашу договорённость, но, надеюсь, ты уже понял, что те, с кем я договариваюсь, обязаны держать слово.

– Я не поручусь за всех членов команды.

– Честно, – оценил Помпилио. И быстро, но очень внятно спросил: – Почему ты такой смелый?

– Вы не убили нас, когда на горизонте появился порт и стало ясно, куда вести шхуну, – ответил капитан. – Может, потому что держите слово, а может, потому что понимаете, что люди спросят, как получилось, что вы пришли на моём судне? Вы могли нас убить, но не убили, и мне неважно почему. Важно то, что с вами можно договариваться. И это придаёт мне смелости, мессер, но не дерзости.

– Хорошо. – Дер Даген Тур показал, что оценил и согласен с доводами капитана.

– Кроме того, в вас издалека видно чужаков: и поговору, и по одежде. И даже если я не донесу, вас задержат у подъёмника в Сады, а другой дороги из Моря в Сады нет – только

подъёмник.

– А не из Вонючего рынка? – негромко уточнил Помпилио.

Капитан прекрасно понял, о чём его спрашивают.

– Я слышал о тропях, по которым можно подняться в Сады, но не знаю их – мне они без надобности. Единственное, что знаю – чтобы пройти по ним, нужна отличная подготовка, а ваши спутники, мессер, не кажутся атлетами.

Капитан сказал то, что видел, поэтому возражать никто не стал, даже Бабарский.

– А если честно, то, даже зная тропы, я бы вас на них не повёл – за такие фокусы меня точно отправят в тюрьму.

– Отвесные скалы не только затормозили развитие мореходства, но и мешают честной контрабанде, – вздохнул ИХ.

– Да, в Садах с нею проще, – машинально отозвался капитан, и Бабарский его слова запомнил.

– Как называются местные стражники? – вернулся в разговор Помпилио.

– Серифы, мессер.

– Я хочу, чтобы ты позвал серифа сразу, как только мы пришвартуемся, – размеренно произнёс дер Даген Тур, бросив быстрый взгляд на Бабарского. – И расскажи ему так, как было на самом деле: что нашёл нас в Море, попытался надавить, но получил отпор...

– Вы этого хотите? – Капитан был так удивлён, что позволил себе перебить Помпилио.

– Я оказался в ваших краях случайно, – повторил свою версию Помпилио. – Задерживаться не собираюсь, а значит, мне нужно договориться с вашими властями.

– Вы можете не рассказывать им о монете?

– Не расскажу, – пообещал дер Даген Тур. – Но моей монетой ты вряд ли сможешь расплатиться на Траймонго, поэтому я даю тебе слово, что, если ты честно выполнишь условия сделки, я прослежу, чтобы её выкупили у тебя за честную цену. Или просто наградили тебя.

– Вы очень добры, мессер.

– Я предпочитаю договариваться.

Капитан припомнил барахтающихся в воде подчинённых и мысленно согласился: да, так и есть, если этого странного воина, которого спутники называют «мессером» и явно грубо уважают, не трогать – с ним вполне можно уживаться.

– С кем я должен договариваться здесь?

– Судя по тому, что я вижу, вам нужно говорить с сенатором, – подумав, ответил капитан.

– Он здесь главный?

– Да, мессер.

– Насколько тяжело до него добраться?

– Простые серифы вряд вас отведут. К тому же сенатор живёт в столице и нечасто балует нас своими визитами. К счастью.

– Как много понадобится времени, чтобы ему рассказали обо мне?

– Если вы сумеете сильно удивить серифов и местные власти, сенатору доложат незамедлительно, – рассказал капитан. – У нас есть радио.

– Почему у тебя его нет?

– Дорого.

– Я так и думал.

Вопросы у дер Даген Тура не закончились, однако рулевой закричал:

– Рынок прямо по курсу!

И Помпилио повернул голову в указанном направлении.

В этом месте стена береговой линии изгибалась, образуя довольно большой залив, защищающий суда от штормов и высокой волны. Берега здесь тоже не было – его заменяли принайтованные к скалам понтоны, к которым и швартовались суда. Но самым интересным был не искусственный берег, не большая платформа подъёмника, связывающего Море с Садами, а мощный водопад, с грохотом низвергающийся в море с высоты плато. Возможно, он и стал причиной появления бухты – за миллионы лет вода подточила береговые скалы. А возможно, она появилась по странной прихоти Создателя.

– Что за река наверху?

– Стремление Мэя.

– Вы называете реки стремлениями? – уточнил Помпилио.

– Самые крупные, – объяснил капитан. И перечис-

лил: – Стремление Мэя, Стремление Суно, Стремление Уло, Стремление Харо, Стремление Фага. Так же называются государства.

– Почему?

– Потому что Стремления – основа их.

– Любопытная концепция, – протянул дер Даген Тур. – И каждое Стремление заканчивается водопадом?

– Да.

– И у каждого водопада – бухта?

– Да, мессер, только у Стремления Мэя и Стремления Фага они самые большие. Как сами эти Стремления.

Бухта оказалась просторной и не пустовала. Справа от водопада располагались рыболовецкие судёнышки различного размера: от простеньких лодок до тридцатиметровых шхун и несколько довольно больших грузовых судов – редких представителей хилой морской торговли. Слева стояли яхты – местные богачи распробовали прелесть морских прогулок, и вооружённые катера, при виде которых Помпилио прищурился и повернулся к собеседнику:

– Зачем тут военные? Зачем вы их вообще строите? У вас война?

– У нас бывают войны, – не стал скрывать капитан. – И сейчас, похоже, назревает очередная.

– Большая?

– К сожалению. – Капитан вздохнул и мрачно посмотрел на катера. – Всё началось с того, что фага подмяли Харо.

Формально Харо осталось самостоятельным, сенатор там, все дела, но теперь они делают так, как скажут фага. Такое поведение насторожило нашего Радбуда, и Мэя заключило союз с Суно. И теперь Союз и северян разделяет только Уло. Это мощное Стремление, но оно находится в самом центре континента и его могут превратить в поле боя.

– Почему до сих пор не превратили?

– Фага боится, что Уло займёт нашу сторону.

– Почему не занимает?

– Потому что в этом случае Наамар – это сенатор Фага – точно начнёт войну, ему просто некуда будет деваться, а Феодора этого не хочет. – Пауза. – Мы балансируем, но готовимся воевать. Поэтому Радбуд и приказал построить военные катера – на случай если Фага устроят какую-нибудь пакость на Море.

– Кажется, мы не вовремя, – вздохнул Мерса, который всё это время внимательно прислушивался к разговору.

– Может, и не вовремя, но мы уже здесь, – усмехнулся в ответ дер Даген Тур. И посмотрел на водопад. – Мы уже здесь...

* * *

«Удивительное строение континента, как я понял – единственного освоенного на Траймонго, поразило меня до глубины души. Никогда раньше мне не доводилось наблю-

дать ничего даже отдалённо похожего, и я в очередной раз восхитился удивительным разнообразием, которым балует нас природа. Или Создатель. Я не хочу спорить, кто из них придумал и воплотил в жизнь все эти чудесные, неповторимые планеты, которые мне довелось повидать, но, по моему мнению, подобное разнообразие есть признак Гения.

И Совершенства.

И сейчас я говорю о тех мирах, красота которых не нарушает законов физики. А если вспомнить Трио Неизвестности, то восхищение фантазией Гения достигает наивысшего предела.

Но я отвлёкся.

Из рассказов рыбаков стало понятно, что Сады – это и есть плато, то есть основная часть континента, которое пересекают пять очень больших рек, называемых Стремлениями. Ещё рыбаки рассказали, что рек и озёр в Садах великое множество и они образуют мощную водную структуру, омывающую плодородные земли. И мне не терпится всё это увидеть. Посмотреть на ещё одну планету, абсолютно не похожую на другие. Насладиться новой красотой. А ещё рыбаки рассказали о грандиозной горной системе, которая тянется вдоль всего континента с севера на юг и делит его на две неравные части: плодородную западную – Сады и пустыню на востоке. И там бы я тоже с удовольствием побывал.

Что же касается мессера, то он всё оставшееся время

подробно расспрашивал капитана о политическом устройстве Траймонго и силах, здесь действующих... Интересно, чем это может закончиться для аборигенов? Если «Пытливый амуш» не появится, боюсь, ничем хорошим...»

Из дневника Андреаса О. Мерсы alh.d.

* * *

Траймонго – это Сады.

Да, были богатейшие залежи полезных ископаемых, которыми славились горные рудники; да, была кристально чистая вода, а значит – жизнь, которую несли благословенные Стремления; но именно плодородные Сады с их великолепным климатом являлись лицом планеты. Сады занимали бóльшую часть континента, в них жили подавляющее большинство людей и бурлила политическая жизнь. Здесь заключали союзы, нарушали договорённости и воевали по любому поводу, точнее... поводом становился даже малюсенький клочок земли, поскольку она в Садах имела особую ценность.

Что же касается Моря, оно никогда не играло на Траймонго значимой роли: ведь будучи совсем рядом, располагалось очень далеко и неудобно – из-за отвесной береговой линии по всему периметру континента. Лет триста назад тогдашние сенаторы Мэя и Суно договорились попробовать пробить скалу, чтобы сделать удобный порт, но вскоре выясни-

лось, что колоссальные затраты на строительство вряд ли себя оправдают, во всяком случае – быстро. Географическое расположение Стремлений, вытянутых с востока на запад, и тот факт, что реки и протоки никогда не замерзали, делали передвижение по ним и быстрее и удобнее. Но по мере развития связей коммерсанты искали новые пути торговли и примерно сто лет назад поняли, что Море – это перспективно. К сожалению, войны, которые тогда шли на Траймонго, не позволили вернуться к идее создания удобных подходов к Морю – власти Стремлений отказались от неё в целях безопасности, но порты появились. Хоть по одному на Стремление, но появились и принялись богатеть. В Мэя портом стал прибрежный Абергульф, славящийся и торговцами, и контрабандистами, и огромным Южным рынком – не Вонючим, расположенном на понтонах бухты, а верхним, городским, на котором шла бойкая торговля редкими в южных Садах товарами с севера. И, что было естественно, в Абергульфе стали появляться выходцы из Стремления Фага, которых на Траймонго так и называли – фага. Сначала моряки и торговцы, остававшиеся в городе на день-два – отдохнуть и заключить сделки. Затем начали селиться: открывали конторы, магазины, лавки, трактиры и мастерские. В первое время фага вызывали удивление: поведением, внешним видом и манерой одеваться, но постепенно местные перестали проявлять любопытство к чужим традициям, и фага стали привычной частью городской жизни.

Однако нравилось это не всем.

– Чем торгуешь? – грубо спросил здоровяк, словно не видя, какие товары выставлены в лавке.

Владелец магазинчика – старый фага – хоть и почувствовал надвигающиеся неприятности, ответил спокойно и ничем не выдал охватившее его волнение:

– Меха, синьор. – Он повёл рукой, то ли указывая на разложенный на прилавке товар, то ли желая защитить его.

– У нас тут зим не бывает, – заржал в ответ здоровяк. – Даже таких тухлых, как на вашем севере.

– Зачем нам меха? – поддержал приятеля второй громила, одетый по уличной бандитской моде: в рубаху с короткими рукавами, широкие штаны и лёгкие ботинки. – В Стремлении Мэя слишком жарко!

– Меха красивы, – негромко ответил фага. – Они используются как украшение, а не для тепла.

– То есть ты продаёшь честным людям вещи, которые им не очень нужны, и отправляешь наше золото в Фага?

– Люди не покупают то, что им не нужно.

– Ты решил со мной спорить?

– Ни в коем случае, синьор.

То, что два недружелюбных здоровяка нацелены на скандал, было понятно с самого начала. И потому торговец напрасно цеплялся за слабую надежду на то, что конфликта удастся избежать.

– Ты заставляешь богатеев тратить деньги, которые они

могли бы потратить в лавках Мэя!

– Я никого не принуждаю...

– Ты отнимаешь хлеб у наших людей!

– И у наших детей!

– Ты грабишь Мэя!

– Я честно плачу налоги!

Но это никого не интересовало.

Разогрев себя истеричными воплями, здоровяки приступили к погрому. Первый резко подался вперёд, одновременно «выстреливая» правой рукой, и нанёс торговцу прямой удар в челюсть, который заставил несчастного врезаться спиной и затылком в стену и потерять сознание.

– Кровопийца!

Второй схватил ближайшую шкурку, швырнул на пол и принялся топтать ногами.

– Вас тут никто не ждал!

– Вы здесь не нужны!

– Убирайтесь в своё Стремление!

Нападение не было грабежом – здоровяки ничего не брали, даже кассу не обчистили. Они испортили товар, даже тот, что лежал в задней комнате, переломали мебель, разбили витрины – и внутри, и снаружи, а в завершение подожгли магазин. Но прежде вытащили пребывающего без сознания торговца на улицу и бросили в канаву. А после поджога – бросились к соседней принадлежащей фага лавке, к которой с другой стороны приближались новые погромщики. Удари-

ли хозяина, который попытался закрыть витрину металлическими ставнями, и принялись крушить выставленный на улицу товар. Крепким парням хорошо заплатили за то, чтобы как следует «проучить» выходцев с севера.

* * *

При создании исследовательских рейдеров, конструкторы Герметикона взяли за основу импакто – лёгкие крейсера, главным достоинством которых была не огневая мощь, а скорость. С импакто сняли тяжёлое вооружение, заменив его пулемётами и скорострельными пушками, а получившуюся «коробочку» модернизировали под исследовательские цели, уделив особое внимание тому, чтобы ни в коем случае не потерять ходовые качества и при этом увеличить надёжность узлов и механизмов, поскольку стихия ИР – это дальние автономные походы. Что же касается «Пытливый амуша», то при его создании средств не жалели, применяли только лучшие материалы, устройства и механизмы, и в результате он считался – и был! – самым быстрым цеппелем Герметикона.

И это несмотря на то, что при проектировании дер Даген Тур распорядился изрядно удлинить гондолу, чтобы в ней поместились все нужные ему помещения, в первую очередь – каюты офицеров, добавить позади неё большую открытую палубу – Помпилио любил прогуляться при хорошей погоде, и приказал увеличить кают-компанию – он любил большие

залы.

Как и на любом корабле, кают-компания предназначалась и для времяпрепровождения, и в качестве совещательной комнаты, а сейчас являла собой столовую, за столиками которой расположились все оставшиеся в строю офицеры «Пытливый амуш». А поскольку Помпилио отсутствовал, Кира и Дорофеев завтракали вдвоём, и рыжая не могла не задать интересующий её вопрос:

– Базза, я правильно поняла, что ночь вы провели в наблюдениях?

– Совершенно верно, адира.

Помимо всего прочего на «макушке» цеппеля располагались мощный телескоп и другие приборы для наблюдения за звёздами.

– Есть хорошие новости?

– Полагаю, да, но я не хочу торопиться с их оглашением – моих познаний в астрологии недостаточно, чтобы вести исследования с неизвестной планеты. – Дорофеев закончил с яичницей, отодвинул тарелку и взялся за кофе. – Тем не менее есть основания предполагать, что я наблюдал несколько известных Герметикону созвездий – под необычным углом, разумеется. Я говорю об этом, поскольку видел три приметных скопления и одну особенно яркую звезду.

У Киры вспыхнули глаза:

– Прекрасно, Базза. Я понимаю, что не следует забегать вперёд, но ваши слова вселяют надежду.

– Благодарю, адира. – Дорофеев сделал глоток кофе, подумал и добавил кусочек сахара. – Более того, по некоторым косвенным признакам я могу предположить, пока, разумеется, очень осторожно, что видел звёздную систему планеты Калпан.

– Калпан? – Кира не очень хорошо знала системы Герметикона. Дорофеев, разумеется, тоже – удержать в памяти все населённые миры не мог никто, даже Галилей, однако при наблюдении он пользовался Астрологическим атласом и надеялся, что правильно разобрался в звёздном секторе.

– Это пограничная планета тинигерийского сектора, адира.

– Далеко же нас занесло...

Трио Неизвестности, в котором «Пытливый амуш» подхватил шторм Пустоты, располагалась в лингийском секторе, а между ним и тинигерийским лежал каатианский. Астринг не позволял прыгнуть на такое расстояние, поэтому удивление рыжей было вполне объяснимо, однако с ним она поторопилась.

– Калпан находится на дальней границе тинигерийского сектора... Южного Бисера. А шторм подхватил нас на самом краю Северного.

На некоторое время в кают-компании установилась полная тишина – изумлённые офицеры, которые внимательно прислушивались к достаточно громкому разговору, пытались осознать заявление капитана.

– Как такое возможно? – пробормотала Аурелия.

– Идеальный шторм, – пожал плечами Хасина.

– Судя по всему, да – идеальный шторм Пустоты, – подтвердил Дорофеев. – Уникальная аномалия, воспользовавшись которой Галилей протащил нас через весь Герметикон... или шторм протащил нас, а Галилей позаботился о том, чтобы мы оказались на пригодной для жизни планете.

– Без единой остановки... из Северного – в Южный без единой остановки, – выдохнул Аксель.

– Совершенно верно.

– Учёные будут в экстазе.

– Очень на это надеюсь, адира. – Капитан вновь позволил себе улыбку. – Очень надеюсь на то, что мы сумеем добраться до учёных Герметикона и рассказать им эту удивительную историю.

– У вас есть сомнения в возможности возвращения? – Кира задала вопрос чуть тише, однако её услышали все находящиеся в кают-компании офицеры.

Ответил же Бацца громко. Но спокойно.

– Астрологический атлас утверждает, что к югу от Калпана доступных обитаемых планет не обнаружено.

– Доступных означает – в зоне досягаемости астринга?

Дорофеев молча кивнул.

Такое сообщение, последовавшее сразу после обнадеживающей новости, могло выбить из колеи кого угодно. Однако офицеры «Пытливого амуша» не привыкли опускать руки

после первой же неудачи. Тем более что сейчас это была не неудача, а просто неприятное известие.

– То есть мы видим Калпан, если, конечно, это Калпан, но не можем до неё допрыгнуть?

– Если верить тому, что написано в Астрологическом атласе, адира.

– В нём может быть допущена ошибка?

– Не ошибка, а неточность, – с прежним спокойствием ответил Дорофеев. – Калпан открыта недавно, причём открыта исследовательским рейдером, а не Астрологической экспедицией. До вхождения в Герметикон планета была необитаемой, пригодной для жизни, но пустой, и её только-только начали осваивать. И поскольку Астрологическая экспедиция на ней до сих пор не побывала, существует большая вероятность, что исследования звёздного неба не проводились с должной тщательностью. – Пауза. – К тому же, как мы все знаем, тинигерийцы торопливостью не отличаются.

Последняя фраза вызвала у слушателей улыбки. Да, слабые, но всё-таки улыбки – надежда на спасение оставалась.

– В ближайшее время я изучу этот сектор через «дальний глаз» астринга, но скрывать не стану – максимально точный ответ на возникшие вопросы способен дать только Галилей.

И все перевели взгляды на Аурелию. На ведьму-спорки, взятую на борт именно для того, чтобы присматривать за астрологом. Никто из присутствующих не знал, помогла ли Аурелия во время шторма, но сейчас все ждали, когда она

вернёт его в строй.

– Мне нужно время, – вздохнула ведьма, отвечая на невысказанный вопрос Дорофеева.

– Как много?

– Сегодня до обеда я планировала провести глубокое обследование, по результатам которого смогу дать прогноз.

– Хорошо, – кивнул капитан. – Какова вероятность, что Галилей придёт в себя?

– Я уверена, что он придёт в себя, – твёрдо произнесла Аурелия. – Сегодня к обеду я постараюсь дать прогноз по времени.

– Хорошо.

Дорофеев закончил с кофе, но поняв, что офицеры не прочь поговорить о происходящем, налил себе и Кире ещё по чашке, повернулся лицом к залу и громко произнёс:

– Кроме того, теперь мы точно знаем, что планета обитаема.

Дав понять, что ждёт мнения подчинённых.

– Аборигены находятся на достаточно высоком уровне развития, – тут же произнёс Бедокур. – Найденная табличка демонстрирует высокое качество и работы, и металла.

– Жаль, что у нас не было времени тщательно изучить риф, – вздохнул Аксель. – Не сомневаюсь, что мы бы обязательно обнаружили остатки судна.

– Ни времени, ни средств, – уточнил Дорофеев. – Без подводного снаряжения пловцы лишь осмотрели бы судно, не

получив сколь-нибудь важной информации. К тому же поисковые работы под водой сопряжены с риском, а у нас серьёзная нехватка личного состава.

Задача рейдера – разведка, а не глубокие исследования, он должен двигаться быстро и ходить далеко, экипаж «Пытливый амуш» был весьма немногочисленным, поэтому потеря пятерых нижних чинов и двух офицеров, а если прибавить пребывающего без сознания Галилея, то трёх офицеров, стала для Дорофеева существенной.

– Изучим их цивилизацию, когда встретим людей.

– А вдруг вся их жизнь – море? – предположила Аурелия. – Тут ведь вокруг вода.

– Просто мы ещё не добрались до суши, – проворчал Хасина.

– Если они живут в море, то как выплавляли медь? – добавил Бедокур.

– Пожалуй, – улыбнулась Аурелия. – Я об этом не подумала.

– Надпись на универсале означает, что мы имеем дело с переселенцами, – продолжил Дорофеев. – Или они бежали от Белого Мора, или от Инезирской династии. В любом случае их бы не отправили на планету, полностью покрытую водой.

– То есть суша есть?

– Обязательно. И я надеюсь, что мессер до неё добрался.

При упоминании дер Даген Тура вновь наступила тиши-

на, пусть и ненадолго. Пауза получилась не горестной, не тяжёлой, но заметной.

– Как поведёт себя мессер, оказавшись на суше? – спросила Аурелия.

– Вступит в контакт с местными, – пожал плечами Аксель.

– Попробует прикинуться своим?

– Только в том случае, если это будет возможно, – добавил Хасина. – Но отсиживаться мессер не станет.

– Станет, если будет выгодно, – усмехнулся Базза.

– Да, капитан, – согласился Крачин. – Но вероятность того, что мессер останется в тени, я расцениваю как низкую.

– Пожалуй.

– Не забывайте, что мессеру придётся заботиться о Мерсе, – улыбнулась Кира.

– И Бабарском, – добавила Аурелия.

– Бабарский сам будет заботиться о мессере, – подал голос Бедокур. – А вот Мерса не очень приспособлен к ведению разведывательной деятельности, особенно, Энди.

– То есть, если мессер будет один или с Бабарским, он сможет затеряться среди местных, хотя бы для того, чтобы понять, как получить больше информации о цивилизации, – ровным голосом продолжил Дорофеев, глядя Аурелии в глаза. – Если Мерса с ними, а я на это искренне надеюсь, им будет проще вступить в контакт с местными властями. В этом случае мессер не станет скрывать, кто он.

– И расскажет, что он с другой планеты?

– А что в этом такого? – удивился Крачин. – Раз они потомки переселенцев, то вряд ли забыли о существовании других планет.

– Как показывает опыт, на всех открываемых планетах сохраняется память о Герметиконе и появление его посланников вызывает интерес и удивление, но не страх, – вернул себе слово Дорофеев. – С этой точки зрения мессеру ничего не угрожает. Однако отсутствие корабля вызовет вопросы и породит недоверие к рассказу.

– Его могут принять за мошенника?

– Уверен, мессер сумеет убедить аборигенов в том, что не является мошенником. А также – в своём высоком статусе.

– Он расскажет о нас? – спросил Бедокур.

– Нет, – качнул головой капитан.

– Почему? – растерялась Аурелия.

– Потому что мессеру неизвестна судьба «Амуша», – объяснил Базза. – Кроме того, в его обстоятельствах информацию следует выдавать дозированно, всегда оставляя что-то в рукаве. Что же касается нас... – Дорофеев выдержал короткую паузу. – Мессер уверен, что мы живы, и будет действовать исходя из предположения, что мы в скором времени появимся.

– Потому что он верит в нас? – тихо произнесла Кира.

– Потому что он уверен в нас, адира. И мы его не подведём.

Ответить капитану никто не успел: дверь распахнулась и

появившийся на пороге цепарь выкрикнул:

– Прямо по курсу земля!

* * *

– Моя земля!

– Траймонго – наш общий дом. Мы все за него в ответе.

– Правда?

– С чем ты не согласен?

– От таких пафосных речей скулы сводит.

– Можешь называть мои слова пафосными, но лично я чувствую огромную ответственность за всё вокруг, – твёрдо произнесла Феодора. – За всю нашу планету.

И прозвучавшая в её голосе убеждённость заставила сенатора Фага умолкнуть и даже слегка смутиться. Наамар увидел, что молодая женщина настроена весьма решительно и если он продолжит «шутить», то разговор завершится скандалом, и решил сбавить обороты. Но тем не менее пробубнил:

– У нас не вся планета, а один-единственный материк.

– Мы не знаем, есть ли на Траймонго другие материки, – подал голос Радбуд.

– Раз мы о них не знаем, то можем считать несуществующими.

– А если они существуют и заселены?

– Вы действительно хотите говорить сейчас об этом? –

изумилась Феодора, по очереди разглядывая собеседников, двух мужчин, двух сенаторов. – Или мы всё-таки поговорим о том, что действительно важно?

– Что может быть важнее освоения планеты? – поднял брови сенатор Фага. – Ты постоянно поднимаешь эту тему.

– Наамар, хватит дурачиться! – не выдержала сенатор Уло.

– Я абсолютно серьёзен.

– Если тебя так сильно волнует исследование Траймонго, то почему ты не построил флот?

– И не убрался с вашего континента?

– Просто: почему ты не построил флот? – Продуманные «дурачества» сенатора Фага разозлили Феодору, но молодая женщина держала себя в руках. – Почему не использовал свою энергию на благо планеты?

– Мы всё время топчемся вокруг одного и того же вопроса.

– И будем топтаться, пока ты не ответишь на мой вопрос, – громко произнесла Феодора, глядя сенатору Фага прямо в глаза. – Мы планировали снарядить экспедицию для исследования планеты, но ты выбрал войну. И я хочу знать: почему? Почему, Наамар? О чём ты думал?

Несмотря на то что во Дворце Пяти Стремлений оставались все лидеры Траймонго, сенаторов Суно и Харо на эту встречу не позвали. И не потому, что они были старше Радбуда, Наамара и Феодоры, которые ко всему прочему ещё и

знали друг друга с детства, а по той простой причине, что Идлен и Габрис не были самостоятельными фигурами. Им оказывали уважение, они ярко выступали в Сенате и перед своими избирателями, но в конечном счёте делали то, что им приказывали: Наамар – Габрису, Радбуд – Идлену. И потому в их присутствии на встрече старых друзей и почти смертельных врагов не было никакой необходимости. Для разговора же они выбрали Дальнюю террасу, уединённое расположение которой позволяло надеяться на то, что всё произнесённое не выйдет за её пределы. И ещё уединённость Дальней террасы позволяла общаться свободно, без церемоний.

– Я объяснял свою позицию не один раз, – грубовато резанул Наамар.

– Твои объяснения не выдерживают критики. – Радбуд тоже начал горячиться. – Экономика – это экономика...

– Война – это всегда экономика, а экономика – это война, – перебил его сенатор Фага. – Наши Стремления много воевали в своей истории, и я искренне надеялся, клянусь – я искренне надеялся! – что противостояние осталось в прошлом. Но ты так разогнал экономику, что не оставил мне выбора: тягаться с тобой в бизнесе я не могу, поэтому перевожу противостояние в другую форму. – Наамар грустно усмехнулся: – В более привычную.

– Почему именно противостояние?

– А как ты это называешь?

– Мы торгуем. Производим товары. Конкурируем.

– Не прикидывайся идиотом, Радбуд. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду: пройдёт десять-двадцать лет и ты купишь моё Стремление с потрохами.

– Можно обсудить протекционистские меры. У тебя есть возможность защитить свою экономику законодательным, а главное – мирным способом, и я готов обсудить возможные варианты.

– Я хотел так поступить, – кивнул северный сенатор. – Но ситуация поменялась: для чего ты устроил погромы?

– Я?!

– А кто?! – взревел Наамар. – Фага убивают по всему твоему Стремлению! Убивают за то, что они – фага!

– Ты несправедлив!

– Я говорю так, как есть.

– Серифы делают всё, чтобы поймать негодяев!

– А кто вернёт к жизни убитых?

Несколько мгновений Радбуд внимательно смотрел на Наамара, а затем вернулся в кресло, взял в руку бокал с вином и прищурился:

– А что ты скажешь, если расследование докажет провокацию? Твою провокацию.

– Сначала докажи, – очень спокойно ответил сенатор Фага, располагаясь в кресле напротив.

– То есть ты не отрицаешь? – изумилась Феодора. – Наамар? В кого ты превратился?

– Сначала Радбуду нужно доказать свои обвинения, – хо-

лодно произнёс сенатор Фага. – Только после этого ты сможешь потребовать объяснений.

– Наамар, как ты мог... – Сенатор Уло покачала головой, а затем чуть повысила голос: – Зачем ты раскачиваешь лодку? Ты уже всё решил, да? Ты хочешь войны?

– То, что я делаю, – это самозащита, – отчеканил Наамар. – Я устал повторять, что в противном случае Мэя купит весь север. И, думаю, Феодора, ты это понимаешь – и Уло они тоже купят. – Он перевёл взгляд на Радбуда. – Ты предлагаешь договориться? Мои условия тебе известны. «Северная инициатива».

– Я посмотрел документы, твои предложения абсолютно неприемлемы. Давай искать компромисс.

– Никаких компромиссов. – Наамар бросил быстрый взгляд на Феодору: – Как видишь, я сделал всё, что мог.

– Ты можешь сделать больше.

– Что?

– Сдаться, например. – Сенатор Мэя не позволил Феодоре ответить Наамару. – Тебе хорошо известно, что моя армия обучена не хуже твоей, а вооружена – лучше. Но самое главное – и ты это признаёшь – моя экономика лучше твоей. Я не хочу войны, но я тебя и кровью умою, и задушу.

– Попробуй, – равнодушно отозвался сенатор Фага.

– Это будет несложно.

– Вы совсем сдурели? – всплеснула руками Феодора. – Вы себя слышите? Наамар, ты действительно устроил эти про-

вокации?

– Нападения на фага – результат дискриминационной политики Мэя.

– Да ты послушай, что происходит! – Сенатор Уло бросила ему несколько листов с отпечатанными сообщениями. – Погромы случились во всех крупнейших городах Стремления Мэя. Это правда сделали твои люди?

– Это сделали поганые расисты.

– Я поймаю всех причастных к этим преступлениям, – пообещал Радбуд.

– Но не сможешь доказать, что за ними стою я, – жёстко ответил Наамар. – И тем более не сможешь доказать это моим фага, которые и так-то косо смотрели на проникших в наше Стремление людей.

Радбуд побледнел:

– Если хоть один волос упадёт с голов...

– То что? – издевательски поинтересовался сенатор Фага. – Начнёшь войну?

– Могу и раньше.

– Тогда чего мы ждём?

– Я не хочу воевать, – громко произнесла Феодора. – И вам не советую.

– Можешь остаться в стороне, – пожал плечами Наамар. – Мы выясним отношения без тебя. Просто не вмешивайся.

– Будете воевать на моей земле?

– Ничего личного, просто твоё Стремление оказалось

между нами.

Между молотом и наковальней.

– Я атакую того, кто первым пересечёт границу Стремления Уло, – пообещала Феодора.

– И станешь союзником второй стороны.

– Иначе мой народ меня не поймёт, – объяснила сенатор, глядя Наамару в глаза. – Но есть и другой вариант: я не стану защищать Сады, уведу армию к Небу, подожду, когда измотанный победитель добьёт побеждённого и оторву ему голову.

– Сильная заявка, – оценил сенатор Фага.

– Вы оба меня достали.

– Не противься естественному ходу вещей, – вздохнул Наамар. – Рано или поздно на Траймонго должно будет сформироваться единое государство.

– Естественный ход вещей – это пять Стремлений, которые живут, как пальцы одной большой руки, – убеждённо сказала Феодора.

– Так и останется, – пообещал Наамар, поднимаясь, чтобы уйти. – Просто у руки появится голова.

* * *

«Ты возвращаешься не с рыбой, а с нами, – сказал Помпилио капитану шхуны. – И должен сразу это показать. Только в этом случае ни к нам, ни к тебе не возникнет дополнитель-

ных вопросов. Сначала возникнут – у дураков-патрульных, но потом их начальник всё поймёт и не выдвинет против тебя обвинений».

Поэтому они направили судно не к привычному месту, а к самому шумному причалу, где была наибольшая вероятность встретить серифов. И поэтому все аборигены – по приказу дер Даген Тура – собрались на баке. Оспаривать решение Помпилио рыбаки не стали, по опыту знали, чем чревато, и это обстоятельство позволило Бабарскому спокойно подготовиться к высадке. ИХ с сожалением оставил на борту цапу – в ней было жарко, и она резко отличалась от одежды аборигенов, поморщившись, накинул на себя прихваченную у рыбаков куртку – лёгкую и вонючую, как рынок, и, едва шхуна подошла к причалу, ловко спрыгнул на него. Пару мгновений изображал рыбака, готовящегося принять швартовы, а когда понял, что окружающие не обращают на него внимания – умело растворился в толпе.

Пообщавшись с аборигенами, Бабарский понял, что на большие подъёмники, доставляющие людей и грузы в Сады, его без документов не пустят, и потому прихватил не только одежду, но и подходящий паспорт. К счастью, на Траймонго ещё не додумались использовать в документах фотографии, ограничивались описанием владельца, а один из рыбаков оказался невысоким и темноволосым. Что же до различий – их можно было списать на прошедшие со времени получения паспорта годы. Действовал ИХ быстро и шаги свои

продумал досконально: по дороге к подъёмнику он не торгуясь купил крупную рыбину – мелочь на первые расходы тоже позаимствовал у рыбаков, логично рассудив, что золотая монета и обещанная дер Даген Туром награда с лихвой покроют этот небольшой кредит, и в тот момент, когда патрульные серифы подошли к шхуне, Бабарский ступил на подъёмник и показал контролёру паспорт.

Такой же вонючий, как и всё в рыболовецком порту.

– Наверх? – осведомился контролёр, едва взглянув на документ.

– Да.

– Не всё продал? – кивок на рыбину.

– Решил побаловать свою старуху.

– Чтобы она побаловала тебя?

– Хороший размен. И не очень дорогой.

– Согласен.

В результате в тот момент, когда на причале – и по всему рынку – началась суматоха с поиском третьего пришельца, ИХ уже оглядывал лежащий над Морем город. Аккуратный, чистенький, выстроенный из белого камня. Симпатичный южный город, нежащийся под тёплым солнцем, но, на вкус суперкарго, ничем не примечательный.

Подбираясь к Морю, чтобы превратиться в водопад, Стремление сильно расширилось, поэтому Абергульф располагался только на правом берегу, а ближайшие мосты на левый находились примерно в трёх километрах от водопа-

да и были перекинута через плотно застроенный остров. От подъёмника вела большая улица, но прежде, чем отправиться по ней, ИХ, не удержавшись, прошёл к водопаду, ширина которого, по оценке снизу, не превышала двух сотен метров, и увидел разгадку: в этом месте скалистый край плато представлял собой естественную плотину, пробить которую Стремление ухитрилось в одном-единственном месте. Полюбовавшись водопадом сверху, ИХ вернулся на широкую улицу, но прошёл по ней недолго, свернул в первый же переулок и ещё через сотню метров оказался на большой, сначала показавшейся огромной, площади, полностью занятой другим рынком, не таким вонючим, как нижний, несмотря на то что на изрядной его части тоже торговали рыбой – и морской и речной. А ещё – фруктами, овощами, мясом, хлебом, одеждой, мелким инструментом... другими словами – всем, что могли предложить рыбаки, ремесленники и фермеры. Большой рынок был идеальным местом для лёгкого перекуса – Бабарский не чувствовал голода, но знал, что на всякий случай нужно поесть, – и пополнения запаса мелких денег. Быть пойманным ИХ не боялся, поскольку в таких местах чувствовал себя как рыба в воде. Он остановился, прикидывая, как будет лучше избавиться от рыбины, и вдруг услышал:

– Отличный смоллет! – воскликнул мальчишка лет восемнадцати, одетый в лёгкую рубашку с закатанными рукавами, шорты и сандалии на босу ногу.

Поношенная одежда выдавала мелкого уличного проходимца, однако прогонять юношу Бабарский не стал. Вместо этого улыбнулся и кивнул на рыбину:

– Нравится?

– Выглядит свежей. – Парень почесал в затылке. – Моя мама умеет готовить его в сметане – получается очень вкусно.

– Хочешь порадовать матушку?

– У меня нет денег даже на треть такого здорового смолета.

– Заплатишь информацией.

– Чем?

Объяснять значение сложного слова ИХ посчитал излишним и сразу перешёл к делам:

– Как тебя зовут?

– Занди.

– Ответишь на пару вопросов, Занди? И тогда получишь рыбу в подарок.

– Вопросов о чём? – Судя по тому, что паренёк не насторожился, получение платы за информацию считалось в Абергульфе делом обыденным. Несмотря на то что само слово употреблялось нечасто.

– Я – гость в вашем городе, хочу наладить толковый бизнес, но не знаю, к кому обратиться, – рассказал Бабарский.

– Бизнес честный или нет?

Вопрос показал, что ИХ обратился к нужному человеку.

Пусть и к юному.

– Вижу, ты смышлёный малый, мне повезло.

– Спасибо, синьор, думаю, мне тоже.

– Почему?

– Вы – забавный.

– Но получишь ты только рыбу.

– И ни одной монетки? – погрустнел Занди.

– Среди твоих предков были галаниты?

– Кто?

– Забудь, – добродушно рассмеялся Бабарский, отметив про себя, что детали своего прошлого аборигены знают недостаточно хорошо. С другой стороны – зачем им? – Что же касается твоего вопроса, то я ещё не решил. Врать не буду – мне хочется получать как можно больше прибыли, но при этом совсем не хочется в тюрьму.

– В Стремлении Мэя хорошие законы, синьор, можно прилично заработать, и не нарушая их.

– Очень интересная информация.

– Вы опять использовали это странное слово.

– Оно означает то, что ты отдаёшь.

– Сведения?

– Сведения, – подтвердил ИХ, отметив, что паренёк и впрямь смышлёный.

– Если вы хотите быть честным, то нужно идти на остров Золотого Карпа, там ведут самые разные дела, в том числе – большие. – Занди указал на застроенный остров, через ко-

торый были переброшены мосты на левый берег. – Если же у вас другие планы, то нужно посетить Старые Казармы на острове Пушкарей. Он чуть дальше, там, где в Стремление впадает Карава.

– Как выглядят Казармы? – поинтересовался любящий точность Бабарский.

– Сложены из красного кирпича.

– Почему не из камня?

– Так дешевле. Из белого камня в Абергульфе строят только в центре. Дальше – из кирпича. А на окраинах дома деревянные.

– Хочешь угадаю, где ты живёшь?

– Хотите угадаю, куда вы пойдёте?

– А ты молодец, – одобрил ИХ.

– А вы будьте осторожны, синьор, – продолжил Занди, не обратив на этот раз внимания на тёплые слова.

– Что не так? – насторожился Бабарский.

– Вы разве не слышали о погроме?

– Нет.

– Сегодня утром какие-то громилы разнесли несколько заведений фага. Так что сейчас серифы перетряхивают Казармы, и на остров Пушкарей лучше не соваться.

– Спасибо, – протянул ИХ, мысленно обложив крепкими цепарскими выражениями неизвестных громил. – Что происходит?

– Никто не знает, синьор, и никто этого не ожидал, –

вздыхнул Занди. – Зато теперь все боятся, что фага будут громить заведения людей – чтобы отомстить.

– Но ещё не громили?

– Может, ждут, когда серифы успокоятся?

– Может быть... – Бабарский протянул пареньку рыбину. – Бери – заработал. Рыба очень свежая, твоей матушке понравится.

* * *

«Пытливый амуш» неспешно подходил к континенту, и удивлённые цепари – те, у кого была возможность выглянуть в иллюминатор, – внимательно разглядывали отвесную скальную стену, поднимающуюся из воды не меньше, чем на двести метров. А то, что путешественники добрались именно до континента, а не до следующего острова, было понятно по тому, что колоссальная стена заняла весь горизонт и тянулась, насколько хватало глаз.

– Интересно, весь континент лежит на плато или только его восточная часть? – пробормотал Аксель.

– Удивительное строение, – улыбнулась Кира.

– И мало на что похожее.

– Мне доводилось видеть подобное геологическое строение, но те структуры не были столь высоки, – вступил в разговор стоящий у лобового окна Дорофеев.

– Возможно ли, что континент лежит на плато? – повторил

вопрос Крачин.

– Скоро узнаем, – ответил капитан, внимательно изучая поднимающуюся из воды стену.

Опасаясь ветров, Дорофеев распорядился начать подъём примерно в пятнадцати лигах от линии плато, и, когда «Пытливый амуш» набрал достаточную высоту, путешественники увидели песчаную пустыню с грязно-жёлтым песком и редкими вкраплениями коричневых скал. И ни одного зелёного мазка, насколько видел глаз и добивали бинокли, – только жёлтое и коричневое.

– Если планета обитаема, то люди явно живут не здесь, – оценил Крачин.

– Люди живут и в пустынях, – заметила Кира.

– Не видно воды, адира.

– В пустынях редко бывают реки, Аксель.

– По тому, что я наблюдаю, здесь скорее будут оазисы, а не реки, – вставил своё слово Дорофеев. – Эта сковородка чересчур раскалена.

– Надеюсь, Помпилио не пришлось её преодолевать, – прошептала Кира.

Прошептала едва слышно, однако Базза услышал, дёрнул щекой, посмотрел рыжей в глаза и кивнул.

– Пустыня кажется большой, – произнёс Крачин, продолжая разглядывать землю в бинокль. – Пойдём вдоль берега или над континентом?

– Над континентом, – уверенно ответил Дорофеев. – Пу-

стыни рано или поздно заканчиваются.

– А вдруг она занимает весь континент?

– Это будет означать, что мы ошиблись континентом, адира, – мягко сказал Базза. – Проблемы с водой не позволили бы переселенцам построить здесь развитую цивилизацию.

– Люди упорны и умеют удивлять, – не согласился Аксель. – У переселенцев должны были быть с собой инструменты и припасы, чтобы обустроиться.

– Даже в пустыне? – удивилась Кира.

– Люди упорны, – повторил Крачин, и Дорофеев кивнул, поддерживая помощника. – Это наше самое главное качество.

– Не всякие обстоятельства можно победить упорством.

– Всякие, адира.

– Позвольте согласиться с Акселем, адира, – вернулся в разговор капитан. – Во время путешествий мне доводилось видеть поразительные примеры мужества и умения людей приспособляться к самым неблагоприятным обстоятельствам. На Сельере, спасаясь от частых ураганных ветров, люди строят города в котлованах как естественных, так и искусственных. На очень холодной Хеде жители видят воду только в виде льда и растапливают его для своих нужд.

– Не проще ли им переселиться?

– Хеда необходима в качестве перевалочного пункта к большому скоплению планет, к тому же на ней добывают

уникальный молочный жемчуг – создающие его моллюски живут во льдах.

– Герметикон велик...

– Да, адира, Герметикон велик. Мы с мессером побывали во многих его уголках и много видели, и я думаю, что если мессер оказался здесь, то шансы на выживание у него хорошие.

– Вы пытаетесь меня утешить?

– Ни в коем случае, адира, – качнул головой Дорофеев. – Мессер прекрасно подготовлен и знает особенности пустынь. Поверьте: ему не составит труда отыскать воду.

– Если она здесь есть.

– Я ещё не видел пустынь, в которых не было бы хоть капли воды. А если она – эта капля – есть, мессер её найдёт.

– Спасибо, Базза.

– К вашим услугам, адира. – Капитан помолчал. – Или в пустыне, или за её пределами мы обязательно встретим людей и с их помощью организуем масштабные поиски мессера и наших товарищей. – Пауза. – Если, конечно, мессер ещё не возглавил местные племена.

Шутка вызвала смех и у Киры, и у Акселя.

Однако следующие часы заставили их засомневаться в словах Дорофеева.

Цеппель неспешно, поскольку находился в поиске, шёл над пустыней, всё дальше и дальше удаляясь от берега, а пейзаж не менялся, словно она, мёртвая, решила посмеяться

над цепарями, отчаянно надеющимися отыскать своих друзей. Песок, камни, скалы... Скалы, камни, песок... И всё это время Кира не покидала мостик. Молчала, то разглядывая пустыню через окна, то погружённая в задумчивость, держалась очень хорошо, однако Дорофеев видел, что рыжая на грани. Таинственное исчезновение Помпилио ударило по ней очень сильно, и с каждым часом его отсутствия Кире становилось всё труднее оставаться спокойной. И чем дольше летел «Пытливый амуш», тем лучше рыжая осознавала грандиозность стоящей перед ними задачи. Чужая, оторванная от Герметикона планета, о происхождении на которой им ничего не известно. И не только о происхождении: они не представляют себе географию этого мира и то, где искать Помпилио. Он может оказаться в лиге к северу, умирать от жажды, прячась в тени скалы, а они просто пройдут мимо... И ещё он мог утонуть, оказаться в воде в бессознательном состоянии и не суметь себя спасти. Он мог повстречаться с диким животным и погибнуть. Он... Переживания рвали душу Киры, заставляли кусать губы и сжимать кулачки... А потом она переводила взгляд на внешне спокойного и собранного Дорофеева и понимала, что должна учиться у капитана сохранять хладнокровие.

И училась.

И лишь однажды не сдержалась.

Нет, не закричала, не устроила истерику – высказалась. Они сидели в креслах: Базза – в своём, Кира – в кресле мужа.

Других кресел на мостике не было. Выпили кофе, который принёс Валентин, а когда он ушёл, рыжая очень тихо сказала:

– Вы очень спокойны для наших обстоятельств, Базза.

И так упрекнула Дорофеева.

Капитан помолчал, едва заметно улыбнулся, поняв, что там, где иная женщина зашла бы в истерику, адира дер Даген Тур сумела ограничиться коротким замечанием, и, не собираясь ни обижать Киру, ни обижаться на неё, ответил:

– Вы ведь знаете, что мы с мессером воевали друг против друга на Бреннане?

– Да, капитан.

– И вы знаете, что мессер спас меня от смерти?

– Помпилио вас очень уважает, Базза.

– Мессер сказал, что история межзвёздных перелётов обеднела бы без меня.

– Помпилио не умеет льстить.

– Я знаю. – Он выдержал паузу. – Мессер считает меня своим другом, адира. Он никогда об этом не говорил, но я это знаю. И это знание для меня очень важно. Мы не уйдём с планеты без моего друга и вашего мужа, адира.

– Спасибо, Базза, и... – Она тихо вздохнула. – Извините меня.

Он кивнул:

– Всё будет хорошо, адира. Мы справимся.

И, словно подтверждая слова капитана, на весь мостик прогремел голос вперёдсмотрящего:

– Вижу цель!

– Люди? – Дорофеев вскочил с кресла.

– Строение.

– Взять курс на него.

«Пытливый амуш» медленно повернулся и направился к приземистому зданию, выстроенному из обработанных коричневых камней и представляющему собой довольно большой купол с круглым отверстием на самом верху. Точнее, о том, что там есть отверстие, Кира узнала чуть позже. А сначала она обратила внимание на венчающую купол башенку, которая изрядно пострадала от ветра:

– Как интересно: зачем они сделали чёрную башню?

И услышала в ответ:

– Имя этой башни – Печать Прощения, – очень серьёзным тоном произнёс Дорофеев. – Она четырёхугольная, и на каждой её стороне написано «Боль». И ещё она чёрная, обязательно чёрная, чтобы подчеркнуть горечь тех, кто её ставил. Купол может быть любого цвета и из любого материала, который окажется под руками, но Печать – всегда чёрная. Печать Прощения символизирует нашу горечь и нашу веру в то, что больше этому не бывать. Она такая, потому что только чёрное может закрыть ему дорогу. – Капитан выдержал короткую паузу, но изумлённая Кира не стала его перебивать. – Люди, которые здесь живут, знают правила, и они очень постарались, чтобы притащить сюда чёрный камень. Но они это сделали, и я надеюсь, у них всё получилось.

– Кому закрыть дорогу? Кому ему? – Рыжая кивнула на строение. – Что это?

– Вы ещё не догадались, адира? – Капитан грустно улыбнулся. – Это могильник для умерших от Белого Мора. И он выстроен по всем канонам Герметикона. – Дорофеев помолчал и закончил: – Приземляться не будем.

* * *

– А вот матушку мою поминать, пожалуйста... э-эээ... не надо, – скромно попросил Мерса, скосив глаз на Помпилио.

– Это ещё почему? – поинтересовался сериф, слегка удивлённый проявлением смелости от того пришельца, которого он успел записать в «рохли».

– Вы её совсем... э-эээ... не знали, – объяснил Энди. – Извините.

– Ну и что?

– Вот и не надо её... э-эээ... поминать.

Несколько мгновений плечистый сериф таращился на отнюдь не похожего на атлета алхимика – робкого, хилого сложения очкарика, большой нос которого был единственной его значимой приметой, после чего выдал классический для всех миров Герметикона вопрос, выдающий человека, может, и хорошего, но не то чтобы образованного:

– Ты очень умный, что ли?

– Ну... – Мерса поразмыслил и выдал ответ правильный

по смыслу, но совершенно неверный по ситуации: – Да. Я...
э-эээ... имею честь быть доктором алхимии.

– Какого университета? – неожиданно спросил сериф.

– Гинденбергского, – машинально ответил Мерса.

– Это где такой?

– Э-эээ... – Алхимик вновь посмотрел на Помпилио, но тот продолжил хранить высокомерное молчание.

Собственно, поэтому серифы и набросились с расспросами на несчастного и совершенно неприспособленного к вопросам Энди.

После того как шхуна пришвартовалась к причалу Вонючего рынка, название которого, как ни печально, полностью соответствовало действительности – рыбой здесь не пахло, а именно воняло, один из рыбаков немедленно бросился за стражниками, а капитан быстро и не торгуясь продал подошедшим оптовикам мизерный улов. И даже успел разгрузиться к приходу серифов – трёх высоченных, бритых наголо здоровяков, облачённых в некое подобие летней формы полицейских со Шпарсы. Мерса там никогда не бывал, но Бедокур, шифбетрибсмейстер «Пытливого амуша», рассказывал, что форма у них дрянь: «И выглядит отвратительно, и рвётся, едва дёрнешь». А поскольку бедовый Бедокур «вступал в противоречие» едва ли не со всеми блюстителями порядка Герметикона, не доверять его словам у алхимика не было никаких оснований. Что же касается Помпилио, то его тонкий вкус в принципе не принимал никакой моды, кроме

классической адигенской, и никакой униформы, кроме принятой на Линге. И потому одежда местных стражей вызвала у него отвращение, которое он даже не попытался скрыть.

К счастью, блюстители порядка не заметили выражения его лица, поглощённые рассказом капитана.

Капитан, в свою очередь, почти не запинаясь доложил, что обнаружил чужаков в открытом океане и сразу же, будучи примерным и законопослушным гражданином, доставил их властям. Примите, так сказать, и запишите мои показания, если положено – выдайте награду... К сожалению, насчёт награды получилось невнятно, поскольку именно в этот момент возникла первая суматоха – неожиданно выяснилось, что треть чужаков таинственным образом исчезла с борта шхуны, что вызвало естественную и агрессивную реакцию серифов: чужаки были объявлены шпионами, закованы в наручники и препровождены на патрульный катер, где и состоялся предварительный допрос. К сожалению, главарь серифов не был достаточно внимателен и не обратил внимания на то, что Мерса то и дело поглядывает на Помпилио, не понял, кто в паре чужаков главный, и сосредоточился на том, который хоть и не очень понятно, но всё-таки отвечал на вопросы. А капитан, получивший невнятное, но грубое обещание – «С тобой разберёмся позже!» – не стал объяснять блюстителям порядка тонкости взаимоотношений внутри парочки, за что дер Даген Тур мысленно решил удвоить его вознаграждение.

Собственно, в самый разгар допроса, когда недовольные ответами серифы были уже готовы применить силу, и прозвучала возмущившая Мерсу фраза о маме.

– Где третий шпион?

– Мы... э-эээ... не шпионы.

– Где третий шпион?

– Понятия не имею.

– Куда ты приказал ему идти?

– Я не приказывал, я был... э-эээ... на баке... и не видел...

– Почему он сбежал?

– Мы испугались.

– Ты испугался? – переспросил сериф.

Переспросил не просто так. Стражник видел, что перед ним отнюдь не воин, в отличие от второго пришельца, с допросом которого было решено повременить; но при этом чутьё подсказывало, что, несмотря на обстоятельства и проявляемую в разговоре робость, доктор алхимии его не боится. И его постоянные «э-эээ...» были вызваны не страхом, а привычной манерой вести разговор.

– Ты испугался?

– Конечно испугался, – с готовностью подтвердил Мерса, который знал, что таким здоровякам очень нравится чувствовать свою власть. – Вы ведь... э-эээ... власть, а я без оружия.

– Я тебя и без оружия уделаю.

Стражник почти решился применить силу, поднял увеси-

стый кулак и... И кто знает, чем бы всё закончилось, если бы не его заместитель. Такой же здоровый и лысый, но, как оказалось, умнее.

– Синьор специальный сериф, можно вас на два слова?

Они отошли к другому борту, но, поскольку катер не отличался большими размерами, пленники слышали каждое слово разговора:

– Синьор специальный сериф, я не думаю, что их нужно бить, – произнёс помощник и тем предложил отказаться от привычной, давным-давно разработанной методики ведения допроса с неразговорчивыми задержанными.

– Это ещё почему?

– Потому что мы не знаем, кто они.

– Шпионы Фага.

– Почему вы так думаете?

– А кто ещё? – На взгляд специального серифа дело было предельно ясным. – Это наверняка они устроили погром, поэтому, когда мы вышибем из них признание, обязательно получим награду.

Помощник развёл руками:

– Как они могли устроить погром, если их вытащили из воды в пяти часах хода к юго-западу?

– Они специально плыли вокруг, но катер затонул, – мгновенно нашёлся специальный сериф. – Поэтому они не успели на погром, зато попались.

– Море спокойно третью неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.